

Любовь

8 ИЮЛЯ

День семьи,
любви и
верности

в былинном стиле

18+

Независимые авторы

Проект
#марафонсказок

**Катерина Яковлева
Ольга Бурганова
Екатерина Уханова
Ася Батурина
Мария Чугрова
Татьяна Юхнавец
Евгения Ивановна Хамуляк
Елена Чертилина**

ЛЮБОВЬ В БЫЛИННОМ СТИЛЕ

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65104506
SelfPub; 2021*

Аннотация

Славы и почёта, люди хорошие! Держите вы в руках книгу со сказами про семью, любовь и верность. Эти три слова, к счастью ведущие, всегда рука об руку ходят. Мудрецы это знают. И хоть «каждая семья счастлива одинаково, а несчастлива по-своему», всё же есть рецепты, как любовь сохранить. И в этой книжице языком былинным, поэтическим, затейливым можно о такой любви прочитать. С первых букв древние мотивы погрузят читателя добросердечного в атмосферу славянской жизни, похожей на песнь гуслирную, звонкую и лиричную. Не без

юмора и не без мистики сказы писались. Посмейтесь и подивитесь вместе с нами. Благости и мира, мудрости и радости вам. И приятного чтения!

Содержание

От авторов	6
Мария Чугрова	9
Татьяна Юхнавец	24
Катерина Яковлева	36
Елена Чертилина	73
Ольга Бурганова	89
Ася Батурина	94
Екатерина Уханова	103
Евгения Хамуляк	111
Над книгой работали	149
Мария Чугрова	150
Екатерина Уханова	152
Елена Чертилина	154
Ольга Бурганова	156
Татьяна Юхнавец	158
Евгения Хамуляк	161
Ася Батурина	163
Катерина Яковлева	165
Токарева Елена	166
Ольга Кондратюк	168
Кристина Самофалова	170
Ирина Шуст	172
ОБРАЩЕНИЕ К ИЗДАТЕЛЯМ	174

**Евгения Хамуляк, Елена
Чертилина, Ася Батурина,
Татьяна Юхнавец,
Катерина Яковлева,
Екатерина Уханова, Мария
Чугрова, Ольга Бурганова
Любовь в былинном стиле**

*Асуры и этруски, великорусы и белорусы,
малоросы, сарматы и хетты, венеты и скифы,
тартары, моголы, сербы с борусами – семья
большая и славная. Почет корням и роду! Здравия
и единения! Да прибудет с вами сила!*

От авторов

Славы и почёта, люди хорошие! Держите вы в руках книгу со сказами про семью, любовь и верность. Эти три слова к счастью ведущие всегда рука об руку ходят. Мудрецы это знают. И хоть «каждая семья счастлива одинаково, а несчастлива по-своему», всё же есть рецепты, как любовь сохранить.

– Как же? – спросите вы.

– А вот так же! Троица священная: семья, любовь и верность – это и есть главные секреты счастья земного.

Нашёл любовь – обязательно судьбу свяжи, дари себя без остатка, люби от души и преданно и в ответ получишь то, от чего отказался. То закон нерушимый. На том века и века Русь стояла: на родах крепких, духом сильных, преданных мужьях да женах. И в этой книжице языком былинным, поэтическим, затейливым можно о такой любви прочитать. С первых букв древние мотивы погрузят читателя добросердечного в атмосферу славянской жизни, похожей на песнь гуслирную, звонкую и лиричную.

Не без юмора и не без мистики сказы писались. Посмейтесь и подивитесь вместе с нами.

Благости и мира, мудрости и радости вам. И приятного чтения!

Мария Чугрова

Колдун из прошлого или в плену былого

1

В тот день солнце купалось в золотых куполах, а из ворот церкви по устланной коврами да цветами диковинными дорожке шли со святого венчания счастливые Пётр и Феврония. У избы родичей невесты столы ломились от яств. Матушка с батюшкой встречали хлебом-солью да всех гостей дорогих усаживали.

И полились вина, чествования молодых, частушки задорные да припевки резвые. Ноги сами в пляс понесли.

За столом среди дружинников Петра сидел молодой юноша Всеслав, верный соратник жениха. Много вместе ими дорог было исхожено, врагов побито, зелена вина испито. Вот и сегодня от души радовался Всеслав за князя своего: речи торжественные провозглашал, музыкантов и скоморохов подзадоривал, частушки во всё горло распевал.

Да так хмель его обуял, что не давали покоя ему буйные ноги всю ночь. Так и бродил он по селенью в одиночестве,

пока все крепко спали после доброго гулянья, кто где придётся – благо, осень тёплая выдалась.

И набрёл добрый молодец на девичьи посиделки у костра. Девыцы красные поначалу испужались: никак, медведь из лесу на дымок выманился!

Но завидев человека православного, ладного, улыбчивого да на лицо пригожего, засмеялись, пригласили погреться у костра. Он в ответ потешил девыц историями ратными, былями да небылицами, шутками-прибаутками. Так до рассвета и не смолкал девычий заливистый смех.

И была среди девышек одна девыца-голубка, образ которой в душу запал молодцу – ясному соколу.

Больше суток проспал Всеслав после гулянья княжеского. В разум пришёл, лишь когда проехал с вереницей повозок княжеских далее ста вёрст от селенья Ласково. От хмеля прежнего и следа не осталось, а образ девыцы красной, что ночью у костра встретил, из

головы не выходил. И вроде девка как девка – в Муроме таких пруд пруди! Но было в ней что-то особенное! Может, взгляд ласковый, слова участливые, голос звонкий да мягкий.

Минула неделя, вторая. А ясному молодцу служба любимая опостылела. И ходил он как в воду опущенный, что даже Пётр за него затревожился. Вот призвал его к себе за трапезу и спросил, что же с витязем его приключилось. А узнав, в чём причина, заулыбался, по плечам похлопал молодца и

сказал:

– Скачи в село Ласково! Поспрашай у народа, повыведай: где живёт твоя сизая голубушка. Если Богу угодно будет, то найдёшь ты ту девицу красную!

Словно ветер, помчал верный конь Всеслава. Без перерыва-отдыха скакал он и ночью, и днём. А лишь въехал в селенье Ласково, конь его обессилел, лёг на землю. И пришлось Всеславу пешим пройти по улицам. Подошёл он к колодцу ближайшему, попросил у хозяйки, что с коромыслом стояла, напиться. Повернулась та к нему, и дыханье сперло у юноши от радости! Вот она – его светлая голубушка! Его счастье, и радость, и горяшко!

Девица его тоже признала, улыбнулась, просияла радостью.

А Всеслав подхватил её на руки, закружил в объятиях ласковых. И так девушке, звавшейся Глашенькой, хорошо, безопасно, спокойно и радостно вдруг стало, что и вырваться из рук не хотелось.

2

Пушистая зима сменилась зелёной весной. Глашенька ждала своего молодца. Всеслав трудился в Муроме, готовил новых ратников. И грела душу воину лишь мысль о том, как наступит праздник Светлой Троицы, и со сватами отправит-

ся он в дом к своей голубушке. Сам Пётр князь обещал по-чётным сватом быть ему.

Но не знал славный молодец, какая с Глашенькой случилась беда. Давно ещё, лет пять назад, заплутала в лесу дремучем девица. Ходила, бродила, кликала, но никак на дороженьку всё выйти не могла. И в темноте полуночной на избушку набрела.

Постучалась – никто не ответил. Отворила дверь, вошла. Сон вдруг сморил родимую.

Проснулась и увидела, что смотрит на неё мужчина средних лет. Весь тёмный, мрачный, высохший. Испугалась девица, кинулась было к выходу. Но взгляд его, сверкающий как будто ярким пламенем, против воли остановил её. Смотрела на него Глашенька, взгляд оторвать не могла. И чуяла, как силы покидают тело, руки и ноги опускаются и голова туманится. Пока без чувств не упала.

Очнулась тогда дома Глашенька. И матушка ей сказывала, будто у берлоги медведя нашли её бездыханную. Три дня спала она.

С тех пор нет-нет, да снова во сне тот жгучий взгляд приходил к ней. А после снов мучительных хворала крепко девица.

И никто, кроме матери, о той беде не знал.

Уж приближалась Троица. Семья к прибытию сватов готовилась. Давненько снов тех страшных не было. Решили Глаша с маменькой: недуг её прошёл. Но за неделю до светло-

го праздника слегла Глашенька заново. Да так, что каждую ночь колдун тот тёмный во сне к ней приходил. Кричала она голосом. А днём спала без памяти, чуть дыша от бессилия.

Послали гонца с весточкой Всеславу о сём горюшке. Как узнал то красный молодец, вскочил вмиг на коня.

Прискакал, у ложа её светлого стал пробужденья ждать. В ночи ему не спалось. Вдруг в полночь тёмный мрак накрыл светлицу. Все ладанки и свечи вмиг потухли. И тут же закричала Глашенька, забилась во постели. Бросился к ней Всеслав, обнял, баюкал, чело белое к сердцу прижимал. И медленно успокаиваться стала девица. Обмякло тело белое. Пришёл спокойный сон, живительный. Мрак начал отступать.

Но не проснулась Глашенька. Спала всё беспробудным сном. Решил Всеслав во светлый храм за помощью сходить. Образам помолился и воду освещённую, крещенскую у баюшки попросил.

Вернувшись, с позволенья хозяина он окропил весь дом, светлицу Глашину в особицу, шепча молитвы животворящие. Умыл и спящую девицу. И ночи начал ждать.

К счастью его великому, спокойно ночь прошла. А утром очи ясные открылися у Глашеньки. Здоровым румянцем щёчки налились. И полна сил встала она, суженого обняла.

– Как долго я тебя ждала! – воскликнула. – И будто вечность целую в немощи проспала. Со мной ты, желанный мой. И теперь знаю точно я, худое позади!

На другой день уж сваты ко светлому празднику приехали с поклоном и добром.

3

Быстро проносилось лето за дневными заботами да вечерним рукоделием. Каждый вечер Глашенька сидела за вышиванием, с любовью подготавливала рубашку под венец милтому и свадебные рушники.

Летели дни и ночи. Близился Покров.

Чуть дыша от радости, страха и волнения, проснулась утром в светлый праздник Глашенька. Ни жива, ни мертва. Тётки и подруженьки в светлицу набежали. С песнями задушевными и страданиями протяжными в уборы голубку наряжали, красный сарафан надевали, волосы в косы длинные заплетали, вокруг головы обвивали, кокошник подвязывали, золотом вышитым платком покрывали.

Она же не шелохнётся, и взгляд её безжизненный устремлён в окно. Девицы и не чаяли, что образ она видела тёмного колдуна, что в лесу ей тогда мерещился. И голос глухой, стонущий слухом овладел. Слова его ужасные: «Нигде не скроешься!» звенели в её голове.

Убрали, снарядили девицу. Вошла в светлицу матушка с иконой Божьей Матери. С себя сняла браслет – оберег рода своего – и с молитвою благословения на ручку белую надела,

три раза образом перекрестивши. И Глашенька вернулась: взгляд ожил, растаял злой колдун. На душе стало спокойно так: и радостно, и весело. Страшные слова демона сменились материнскими: «Доченька, быть добру!» А по щекам румяным побежали светлые слёзы исцеления.

Уж добры молодцы женихову шкатулку принесли. Повозка, убранная шкурами богатыми, у ворот – пора к венцу.

У храма ждал жених. Из-под распахнутого кафтана глаз радовала рубаха красная, вышитая, ярким поясом подвязанная. Молодец тоже тревожился, но рядом были други верные, и сам князь Пётр тут же, подбадривал его. Праздные зеваки толпились же кругом.

Невестушка подъехала.

– Знатно наплакалась голубушка! – слышалось в толпе. – Быть теперь счастливой Глашеньке – это примета верная!

Вместе, поклонясь Господу, ступили в светлый храм. Под благословенный колокольный звон из-под венцов супружеских слетела клятва верная и полетела ввысь!

После ж гуляний праздничных да попрощавшись с родичами, пустилась в путь-дороженьку прямо до града Мурома Глафира в мужнин дом.

Ещё одна зима махнула на прощанье снежным рукавом. А в избе Всеслава затосковала молодая жена без круга своего девичьего да без работы. Дела домашние и рукоделье в одиночестве ей опостытели.

Вот как-то просит она мужа:

– Ах, милый мой, одна и без дела по сердцу совсем зачахну я. Может, найдётся мне работа какая полезная для города аль для князей?

Задумался Всеслав. Пошёл к Петру с Февронией. И на его вопрос так молвила княгинюшка:

– Есть у меня искусница, что учит молодых девиц рукоделиям различным, ведению хозяйства, премудростям иным. И нужна ей помощница. Давно уж ищем подходящую. Пусть Глаша и попробует в помощницах побыть, поучится наставничеству. А там, глядишь, и место её займёт. Тяжело нашей мастерице одной, стара летами.

Вернувшись со службы ратной, рассказал Всеслав жене своей, о чём с князьями светлыми вели они разговор. Глашенька согласилась с радостью. И на другой день с Февронией пошла она к боярыне, что звалась Ядвига Павловна.

Поговорили женщины, и стала Глаша помощницей в обучении девиц. И дело так по сердцу пришлось: всё спорилось, ладилось, ученицы слушались. Лишь Ядвига Павловна была

ей недовольная. И каждый день находила, за какой изъян выговорить ей грубые слова. Глаша не обижалась, принимала со смирением. Но слова те жестокие ложились чёрным камушком в её молодой душе.

Ученицы полюбили Глашеньку. Она ведь – не «старая Яга»: попусту не наказывала, не бранила на чём свет стоял, а помогала, подсказывала, на промахи указывая, поддерживала добрым словом, ласковою улыбкою. И девицы старались уроки сдавать вовремя, но и не торопились, чтоб изъяна избежать. Ведь знали, что за их ошибки Ядвига Павловна с помощницы спросит со всей строгостью. Жалели те её.

Всем сердцем полюбила Глашенька работу. И никакие трудности не страшили её. Ученицы радовали, Феврония была довольна мастерицами. Через это злое и тёмное копилось в сердце Ядвиги Павловны. И однажды она решилася извести помощницу.

Недаром её в городе кликали ведуньей тёмною. Знала она о снадобьях побольше многих знахарей. Вот и решила в питъё Глашеньке подсыпать дурман-травы. Да не простой, а наговорённой – от семьи, дома и любви отводящей.

Ничего не подозревая, молодлица выпила из рук Ядвиги Павловны, и пелена недобрая застелила душу ей.

Прошло немного времени, а Глаша изменилася. Все думы о работе теперь были в голове. Хозяйство же домашнее пришло всё в запустение, и муж давно не слышал слов ласковых от неё. Денно и ночью пребывала Глашенька в мастерской.

Всеслав тем временем закручинился. Пытался с ней поговорить, но Глаша лишь молчала, как будто и не слышала.

Святой водой окрапливал, к причастию святому подводил, Богу молился – ничего не помогло. Силён сок дурман-травы, уж глубоко в душе. Камни жестокости он начал оживлять: всё чаще стала Глаша гневаться, кричать и обижаться. Душа стала ранимою и жестокою при том.

Совсем Всеслав отчаялся. Осталось ему только уповать на Чудо со смирением.

И Чудо произошло!

Однажды пробудившись утром, Глафира поняла, что под её сердцем поселился ангел – счастливый плод любви.

И тут же чёрный яд дурман-травы стал постепенно уходить из сердца и души, забирая с собой всю тяжесть камней жестокости и гнева. Былые ласка, доброта и кротость возвращались.

Испуг сменился радостью, счастьем, ожиданием встречи с малышом.

Ах, как же возрадовался Всеслав, узнав о вести сей благоденственной! На руки подхватил он жену свою милую и кружил её, прижимая к сердцу, как драгоценную хрупкую вазу.

От сладких речей его так светло на душе Глашеньки стало, что от пелены дурман-травы не осталось и следа.

Поселились в доме благодать, мир и трепетное ожидание. Теперь уж Глаша не бежала чуть свет к работе своей, а занялась более важными женскими делами: хозяйством, мужем, выполнением главного предназначения – дарения новой жизни. Усердно Богородице молилась, прося о помощи в родах да материнстве.

Впрочем, совсем оставить учениц и рукоделие ей не хотелось. Вот и навещала Глашенька день ото дня работашку, принося слово доброе, совет, что к месту нужен, да заботу материнскую, что начала в её душе светиться ясным пламенем.

Орлом летели месяцы. Вот пришёл срок родин. И дочку распрекрасную – Ладугу ясноликую – родила Глашенька. Здоровенькую, крепкую на радость всем вокруг.

И полилися праздники заздравные да на счастье. Когда ж дом опустел, супруги погрузились в тихую радость, светлую.

За суетою материнскою и не заметила Глашенька, что начал чахнуть суженый, день ото дня бледнеть. Силы его покинули, еле на ноги стал вставать. И в один день, тёмный, пасмурный, вовсе слёг богатырь.

Глафира затревожилась, послала к бабкам, лекарям. Только плечами лекари все пожимали. Что со Всеславом сделалось, им невдомёк.

Горючими слезами Глашенька заливалась, молитву Богородице творила каждый час. И в ночь, когда прошло три дня, забылась сном дурманящим. Тревожное видение явилось к ней тогда.

Из тьмы крошечной вышел к ней ужасный тот колдун лесной, в ладонях его теплился тлеющий уголёк.

Колдуна этого тёмного она боялась больше смерти и вновь в оцепенении от ужаса стояла чуть жива.

– Думала, девица красная, что ты меня покинула! – прохрипел ужаसाющий загробный голос тот. – Не денешься ты

никуда! Вот она – жизнь его. Чуть теплится в ладошеньке. И стоит мне сдавить её, не будет муженька!

– Что тебе от меня надобно? – в слезах вскричала Глашенька. – Возьми ты всё добро нажитое, всё наше золото-серебро. Сколь скажешь, столько соберу, люди не откажут в помощи!

– На что мне золото-серебро? В силе живой нуждаюсь я. В твоей силе, Глашенька, что крепкой стала, мощною. Теперь уж прямого нет пути мне добраться до тебя. Отдай мне твои косыньки. Через них я буду живицей питаться от тебя. А не отдашь – не жить тогда ни мужу, ни Ладушке.

Расплакалась красавица. Не жаль ей было кос своих – знала, что всю силушку колдун с ними заберёт. Но жизнь мужа любимого и дитяти долгожданного дороже ей всей силушки были, света белого милей.

Колдун уж кинжал заговорённый в ладонь её вложил. И отошёл в стороночку.

Взор свой обратила Глашенька в небо ясному, молитву Богородице бессловно говоря. И вдруг, как будто с облачка, из ниоткуда голубь явился. В клюве его блестел комочек золотой.

К ладони свободной опустил он и положил нательный крест. Колдун стоял же ухмылялся, не видел он птенца.

Получив благословение, призвав все силы женские, превозмогая страх и ужас свой, приблизилась к врагу она. И махом косы русые кинжалом все обрезала. Повалились они на

землю, к ногам колдуна. Он же поднять задумал их, к землице наклонился. Тут же со всей мощью русской прижала Глаша к груди его нательный золотой крест.

Свет ослепил очи Глашеньки. Лишь крик ужасный слышала в конце своего сна.

Проснулась она с лёгкостью, спокойствием и стойкостью, уверенностью, что все невзгоды ей удастся побороть.

Пошла она к любимому. А он уж и с постели встал. Хоть ещё слаб, бледен был, да видно, что хворь чёрная уже с него сошла.

Возрадовалась женщина, на шею милому кинулась. Легонько обняла.

– Где ж твои косы, Глашенька? – воскликнул тут супруг.

– Что косы. Всё пустое это! Главное – ты здоров! Ты жив! Я вместе с тобой, рядом мы. А косы отрастут.

И стали жить счастливою и крепкою семьёй. Растили свою Ладушку. Ещё детишек дал им Бог. С душой они работали и друг другу опорой были всегда, везде, во всём. Никакие силы тёмные не могли теперь вмешаться в их верную, преданную любовь.

Конец

Татьяна Юхнавец

Олеся

Во деревне белорусской тихонькой, во деревне Полюшке, деревеньке маленькой, жила-была семья благочестивая. Семья была добром, здоровьем, да уважением богатая. Почитал отец Апанас жену свою Паулину. Да и люди в деревеньке семью почитовали, проходя мимо дома добротного, в пояс кланялись.

Апанас и Паулина доченьку свою Олесю растили. Растили-пестовали, нарядами баловали. Не чаяли души муж с женой во Олесеньке, не могли счастьем своему нарадоваться.

Но недолго счастье у хозяев благих на дворе задержалось – помер отец Апанас нежданно-негаданно. Помер отец, всё хозяйство на мать Паулину оставил: и курей, и свиней, и овец, и кобылу Маланку – кобылицу золотую. Помер отец, дочку маленькую сиротинушкой покинул.

Причитала мать, плакала. Плакала, слезами заливалась: – Ой, ты, муж мой, муженёк Апанасик, на кого ж ты меня покинул?! Муж мой – свет очей моих, на кого меня покинул-оставил, не стерплю я! Не стерплю, да и с тобой во могилушку залягу.

Не слегла Паулина во могилушку мужнину, а слегла на по-

лациях, горюшко слезами заливаючи. Потускнели глаза материны, поседали волосы, да покрыло лицо женское паутинка морщин разносетчатая.

Всю работу домашнюю дочь Олеся на себя взяла, на плечи свои маленькие-худенькие навалила. Не играла с детьми деревенскими, не веселилася, да людей совсем чуралася. Матери девочка обед варила, простыни набело выстирывала, и курей, и свиней кормила.

Когда дела дворовые дочиста доводила, переплетала косы свои русые, узлом крепким перевязывала, на кобылу Маланку садилася, да по полю пшеничному носилася. Носилася, ветерок белорусский догоняла, облакам платком цветастым махала, с солнышком, за рощу берёзовую уходящему, прощалася.

Год прошёл, второй, который минул... Стала Олеся девицей на выданье. Всех подруг уже разобрали, а её не брали. Строгою Олесю в деревне величали. Всё за матерью девица присматривала, во дворе правила.

Выхаживала дочка мать родную, да и не заметила, как большухой стала. Осталася Олеся без мужа да без детей, ибо и отцом, и матерью, и мужем, и сестрой своей матери нареклася. Косы с каждым годом себе всё туже плела, на улыбку добрым молодцам скупилася, от людей отвернулася.

Только видели её за работой, да в полях вечерних на кобылице лихой – Маланке золотой.

Вот пришла в земли белорусские весна-веснянушка. Тронула весна земли холодные, дохнула на них ветром тёплым, ласковым. Покрылась земля росой белёсой, засверкала на проталинах. Уж и не разгадать было: то ли снег ещё в роще пестится, то ли в платье из росы-жемчуга землю девственную белорусскую принарядили.

Заблестели стволы берёзовые, засветилися, солнцу весеннему поклонилися, почками, да ветвями перекрестилися. Стало в роще белым-бело, да светлым-светло, вся земля белорусская засветилася.

Посветлело ещё более лицо Олесиного, и ни дать ни взять – птица белая. Гордая, неприступная, одинёшенька.

Как и все годки на дворе правила. Правила, порядок блю-

ла. Помогал ей лишь Трофим-сухарь, плотник-труженик, мужик странненький. Он людей не знал, ни семьи не знал, сухарём-бобылём к Олесе в дверь постучал. Постучал, попросился на работу к ней. А уж к ней стучал неспроста мужик. Прослышал Трофим во округе своей, что сухая-неприветливая Олеся была. “Ну как я. Так и сладимся”, – подумал так плотник-труженик и остался он у Олеси по двору дело вести.

Вот одним деньком всю работу во хлевах Олеся переделала, кур загнала за ограду, коз подоила, а потом матушку свою поправила, да и в поле с кобылицей засобиралася.

Воспорхнула вечером Олеся на кобылку свою верную, понеслась во поля весенние. Так весна Олесю всколыхнула, что во рощеньке во берёзовой кобылицу свою Маланку она усмирила. Слезла девица с кобылицы, заломила руки к солнышку уходящему, да взмолилася Олеся батюшке-отцу невидимому:

– Батюшка-отец, родненький, помоги мне по-доброму. Нету моченьки моей, нету силушки. Опостылела, осточертела мне жизнь-жизнюшка.

Посмотрела девица на солнце красное, окинула взглядом землю родную, да и крикнула пуще прежнего, что было силушки девичьей:

– Ты, отец родной, пощади меня! Коли есть в тебе сострадание да любовь, заberi меня к себе на небушко! Иль совсем отпусти мою душеньку! Нету мочи терпеть, издыхаю я.

И в таких сердцах дева крикнула, что откуда ни возьмись из-под земли родимой образ белым светом слепящий, образ белый батюшкин перед Олесиными глазами предстал.

Образ статный, крепкий, добренький. Славным светом глаз обнимающий.

Испугалася Олеся, отпрянула, глаза рученьками закрыла. Постояла немного так, потом рученьки опустила. Не исчез образ батюшкин, говорить стал речь он тихую:

– Добрая ты у меня выросла, доченька, вон кака краса-умница. И сильна, и мудра, и упрямица. Вся в меня удалась. Я б тебя из мира сего сразу выделил, и узнал бы тебя в одночасие.

Поклонилася дочка-девица отцу родному до земли белорусской. Поклонилася да промолвила:

– Ты, отец мой родной, мой родименький. Ты родил меня с моей матушкой. Так скажи мне, девке-дочери, зачем мне и ум, и красота, и мудрость мои? Зачем мне всё это, коли нет у меня ни мужа, ни дитятки.

Поклонилася ещё раз Олеся, да продолжила:

– Говорю тебе, отец-батюшка, не томи меня! Забери к себе, аль совсем отпусти, уж совсем я да несчастная.

Послушал батюшка Апанас дочку свою, и ответил ей:

– Не держал я тебя, Олесенька, никогда и нигде, не подумывал. Ты свободна была, как на четырёх ветрах. С твоей силушкой и умом твоим никто не мог свободу у тебя отобрать. Никто не мог, да и я не мог. А несчастье твоё ты сама себе

выбрала. Себе выбрала, привязала к себе. Горько мне смотреть было, твоему отцу, как страдаешь ты, но не мог помочь, не было силушки. Всю силу свою я тебе передал, чтоб со всем во миру ты справлялася.

Слушала Олеся батюшку, не перечила.

– Благодарен я тебе, дочь прекрасная, что за матерью ты уход вела, мать смотрела, скот кормила, по двору ходила. Но теперь и твой черёд настал. Пришла пора весенняя, возрастает трава новая, распускаются почки налитые, родятся зверьки-детёныши. И тебе пора, Олеся милая, суженного найти, да мать родную внучатами побаловать.

Призадумалась Олеся, глянула на отца, да так слова батюшкины в сердце её отозвались, что и сразу слово сказывала:

– Батюшка милый, отец ласковый, я пойду дорогой своею, дорогой девичьей, выберу по совету твоему, кого захочу. Полюблю я добра молодца, и ничего мне дурного не станется.

Улыбнулся батюшка во усы мужицкие и сказал дочери слова отцовские:

– Тот молодец, которого полюбишь ты, станет самым счастливым на земелюшке нашей, на земелюшке-белорусочке. А тебе открою тайну-тайную: огранился алмаз до брильянта чистейшего.

Не сразу Олеся слова батюшкины поняла, но в землю поклон отвесила. Поклонилася, и словно камень с её души девичьей на землю свалился, на землю лёг, да и растворился

совсем. Камень в землю провалился, и батюшкин образ удался.

Зашумели берёзы белые в роще-рощице, колыхнулись ветви, оживились, и вскочила Олеся на кобылку свою верную, кобылицу золотую, волшебную. Поскакала девица по сырой земле, поразвевались её волосы, расплелись косы русые, на ветру они распустились. Загорелися глаза у Олесеньки, зарумянились щёки белые, проскакала она время-время, да вернулась на подвор родной, да на родненький.

Во дворе стоял тот Трофим-сухарь, стоял с вилами у хлебов-домов. Увидал Олесеньку-раскрасавицу, онемел на месте, не подвинулся. Никогда Трофим не видал ещё, не видал хозяйку суровую вот в такой красе да невиданной. Помнит он её с косами тугими, с лицом не улыбочивым. Не улыбочивым, да не девичьим. Потому и работал у неё, что подумывал – нет добра в сердце том. Нет любви, как и у него самого не было. И разинул рот наш Трофим-сухарь, выпучил глаза, что вот выпадут.

Слезла девица со своей Маланки, стала перед мужиком да промолвила:

– Что стоишь, Трофим, аль язык проглотил, по что меня не приветствуешь?

Тут Трофим на колени упал, лбом во землю упёрся, только одно слово и шепчет:

– Алмаз мой невиданный, брильянт! Алмаз и есть чудодейственный!

Поняла Олеся во секунду всё, опустила на колени, взяла Трофима-сухаря за плечо сильное одной рукой, а второй лицо мужнино повернула к себе. Посмотрела в глаза ему и сказывала:

– А тебе алмаз, Трофим, по зубам ли?

Одарил Трофим деву красную взглядом пламенным и особенным. Заблестели глаза его от слёз радости, от слёз нежности и любви земной. Никогда ещё не испытывал плотник-труженик в сердце радости, счастья доброго. Он встал тогда со колен своих, подхватил Олесю на руки крепкие, окружил её и поведал ей:

– Лишь сейчас понял я, моя ты Олесенька, что всю жизнь свою бобыля-мужика тот алмаз я ждал. Ждал его, сам не ведаючи, только сердце моё вот почуяло. Буду тебе мужем праведным, и семью благочестную воплотим на земле – нашей матушке, на земле родной, белорусской.

Заблестели ещё ярче очи Олесины, зарумянились пуще щёки румяные, обняла девица парня крепкого, обняла его двумя рученьками:

– Так тому и быть, муж мой названный. Муж мой названный, Богом посланный.

Жили они припеваючи, во любви и согласии, мать Олесину уважаючи. Нарожали детей здоровеньких, мальцов да девочек русоволосых, на радость самим себе, да их бабушке, да земле родимой – Белоруссии.

Конец

Катерина Яковлева

Чернобор и Марашка

Маялось мироздание. Спалось ему дурно, скучный снился сон. Давно ничего не случалось занятного. «Пусть Всё расшатается!», – сказала мироздание, переворачиваясь с затёкшего бока на другой, а от того земля вокруг ходуном заходила. Сказано – сделано. Сразу же Всё и расшаталось.

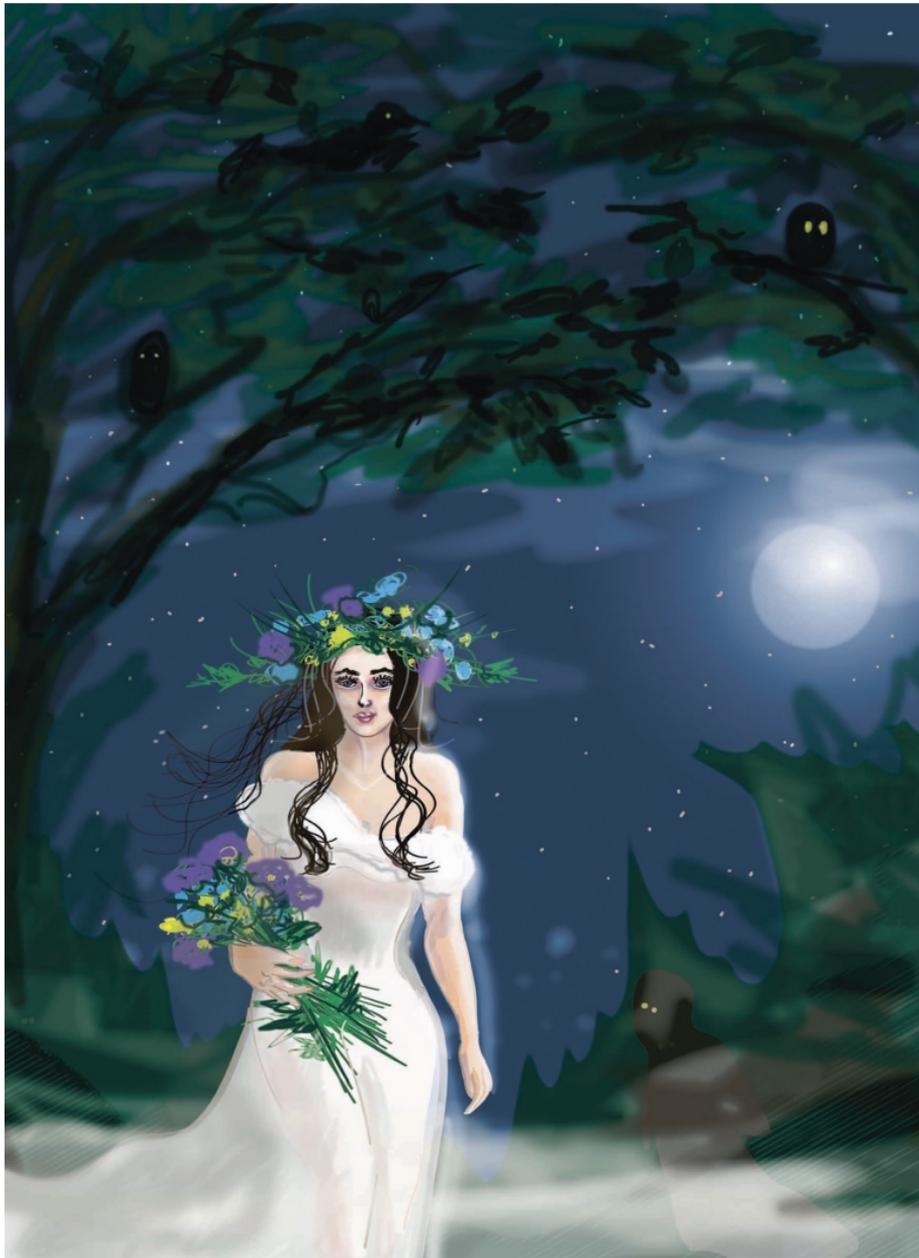
В тёмном лесу, затерянном между туманными лощинами да злыми болотами, расплодилась нежить неупокоенная. Чаща та дурной славой окуталась. Простой люд туда ходить даже за ягодами перестал давно – морока боялся. Обитала в том лесу мавка Марашка. Застряла между былью и небылью – не жива и не мертва. Помнить и не помнила, почему стала нежитью. Да и судьбу всю прежнюю как ветром сдуло – будто и не было ничего... Жилось Марашке скучно. Людей избегала, чтоб не сожгли со страху. Так что дружбу оставалось только с чертями лохматыми водить, с Лешим, Водяным да со всякой другой нечистью – в общем, тоска. Было так за годом год целых сто лет подряд. Пока однажды не додумались жители ближайшей деревни подмогу позвать. Большого умельца пригласили – самого ведуна Чернобора. Чтобы тот

морок поганый из лесу вытравил, да нежить всю поборол.

Чернобор, он же по второму имени Светозар, был мастер ловкий. Много всяких способов знал в борьбе с духами дурными. Возрастом ещё не стар был и даже молод, но уже опыт свой имел. Привёз он с собой в деревню зелий всевозможных. Ещё ловушек разных с колокольчиками – чернь она ух как колокольного звона боится!

Да много чего-всякого было в сумах у ведуна. Ну и пса своего с собой прихватил – чёрного большого, но доброго волкодава. Чеснок его звали. По приезду Светозар у селян первым делом спросил:

– Кто у вас в деревне ворожбой занимается?

Но местные все принялись плечами пожимать. То ли боялись говорить, то ли и правда не знали ответа. Это ведуна насторожило. Ну что ж, одной загадкой больше. Наказал он поскорее ему молока свежего принести, а еще масла топленого и пирогов. Для чего не пояснил.

Но местные бабы Чернобора с первого взгляда зауважали. Отчего? С того ли, что спасти он их вызвался? Или с того, что хорош был собой молодой ведун? Волосы русые, кожа белая, высок, строен и ладен. А глаза! Как два угля – большие, чёрные и взглядом обжигают. Так что с первой же просьбы бросились услужить Чернобору все девицы и бабеньки деревенские.

Селяне выделили Чернобору и Чесноку заброшенную избушку. В том доме давно никто жить не хотел. Потому что стояла она на самой опушке леса, у сосен под боком. А лес местные люди давно проклятым считали, вот и боялись селиться так близко. Избушку ту тоже проклятой называли.

Молодой ведун страха перед мороком не имел. Так что спокойно заселился в недобрый дом. Вся покосившаяся, избушка имела вид неприглядный и изнутри, и снаружи. Брёвна от времени почернели, ставни на ветру мотались, хлопали, скрипели. Внутри всё паутиной окуталось, давно здесь не хозяйничал никто. Вот и занялся Чернобор первым делом наведением порядка. Нечисть всякая, она ж пылюку и нераз-

бериху любит. Коли хочешь, чтобы жилище твоё добрый дух имело – следи за порядком и чистотой. Так вот, после метлы и свежей водицы уже половина чертей из углов разбежалась, да прочь рванула. Не тут-то было. Словил их тут же Чернобор венчиком со святой водицей, да в печь, в огонь бросил. И поделом черни неугомонной.

Девицы принесли ему уже и молока, и сластей всяких, и пирогов, да всё самое вкусное из погребов достали. Каждая приходила с чем-то лакомым да мурлыкала Чернобору слова ласковые. Но ведун благодарил да на девиц особого внимания не обращал – весь в трудах был.

Следующим делом достал Чернобор перья петуха (большие, красные) и начал все углы ими обметать, особенно вокруг печки. Да быстро добился, чего хотел. Выскочил откуда-то старый дух – домовый. На вид, как сгорбленный старикашка: морщинистый, худой, волосы седые растрёпаны.

– Чего ж творишь! – завизжал домовый. – Это ж кто так в дом вселяется? Где кошка твоя? Почему первой в жилище не впустил? Эх, тьфу ты! Ну и молодежь пошла! Совсем традиций не знают! Предков не чтут, всё бы вам хороводы водить! Бездельники и недотепы! Вы... Ой!!!

Тут оборвалась бранная речь растревоженного домового. Потому что чёрный большой пёс прыгнул на него, на пол повалил.

– Ой, Боженьки, Боже! Убивают! – заорал домой. – Где ж это видано? Пса на домового натравить?!

От страха домовой и не сразу сообразил, что пес его не обижает, а наоборот лижет и ластится.

– Ну, Чеснок! – одернул собаку хозяин. – Оставь домовёнка в покое! Мне с ним потолковать надо. А ты, дух домовой, на-ка, молока попей!

Пёс разочарованно поскулил и уселся в сторонке. А Чернобор протянул домовому миску молока. Тот от радости аж переменялся весь! Это ж когда ему в последний раз вкусностей приносили?!

– Не сердчай, дух, – продолжил ведун. – Нужен ты мне был для разговора, вот и нашёл тебя самым быстрым средством. Я тут долго жить не стану, но хозяином могу быть добрым. Буду хоть каждый день молоком тебя поить и пирогами потчевать. Но ты мне за это Расскажи про всё колдовство в этой деревне и в соседнем лесу. Идёт?

Домовой так раздобрел от молока, что на всё был согласен. И поведал Чернобору, что в деревне живёт старушка одна. Имя её позабыто давно, только прозвище и осталось – бабка Мгла. За то прозвали так, что по ночам к ней вечно ходит кто-то. Видать, колдунья она. Средь бела дня стесняются люди за такими делами шастать. Боятся про бабку вслух говорить – мало ли что? Али силу недобрую накликаешь, коли про ведьму заикнешься? Ну и ещё долго домовой рассказывал про ужасный лес по соседству. Якобы, что и черти там ходят, плодятся. И души неупокоенные в призраков обращаются, да воют-воют всё по ночам. От того и звери дикие

озлобились: только попробуй в чашу сунуться – тут же бросаются. И озерцо там раньше было, старики рассказывали, что вода была чистая, рыба водилась всякая. Теперь же на месте озерца топи стали болотные. Да дурные такие – только окажись рядом, будто манить начинают. А как шагнёшь в трясину, так и затянет жуть жуткая. В прежние времена и с Лешим, и с Водяным слад неплохой был. Местные им по весне пирогов в лес принесут, масла топлёного в реки нальют – да и всё. Хоть грибы собирай, хоть рыбу лови – всё безопасно было. Теперь же не помогает ничего, и соваться в лес страшно стало. Да даже и дом вот этот опустел. Раньше добрая девица и матушка с батюшкой тут жили. А потом забрал её, молодуху, злой лес – ушла и не вернулась. Родители так с горя и померли.

Послушал Чернобор. Всё, что надо, понял. Да решил, что начнёт он распутывать этот клубок с того, что приглядится получше к Бабке Мгле. Оставил домового в покое и сам отдохнул до вечера. Чеснок на входе сторожил. Так что иные девицы и хотели в гости зайти с угощениями, да пса пугались и прочь убегали.

После доброго сна встал вечером Чернобор. Принарядился и пошёл на улицу. То был как раз праздник Ивана Купалы. Вся молодёжь в деревнях у костров гуляла, миловалась, танцевала. Да и старшие рода тоже веселились с ними. Все на улицу высыпали – удобно было на людей местных посмотреть. Чернобор присел тихонько с краю и принялся на-

блюдать. Бабку Мглу быстро опознал. Танцевала она со всеми, словно молодая, хотя вид был старческий. Так прыгать с морщинами и дряхлым телом только ведьмы и могут. А уж ведьмы-то должны всякое про местную природу и про лес знать. Не зря же их «ведьмами» называют, от слова «ведать». Чернобор предрассудков не имел, ведьм уважал и не боялся, ибо суть их понимал. Ведьма – она ж не плохая и не хорошая, ни зла не делает, ни добра, а просто «ведает». Но всё равно наблюдал пристально за бабкой Мглой. Чтобы потом прийти с визитом да человека уже в лицо знать.

Надоело мирозданию на боку лежать – завертелось, подбирая иное удобство, легло на спину. Да уж и сна нового захотелось, а то всё о мраке, да о мраке. А какого бы нового? Да такого, чтобы про любовь. «Пусть Всё о любви зашепчет!», – томно вздохнуло мироздание. Под тяжкой спиной и дышать миру сложно стало. Сказано – сделано. Всё о любви и зашептало.

Мавка Марашка целый год скучала, кроме одного дня. Праздник Ивана Купалы был её единственной отрадой и шалостью. Хоть и боялась она к людям выходить обычно, но этот день был особенный. Праздник происходил вечером. Люди могли ходить из деревни в деревню, родных навещать. Так что никто незнакомым лицам сильно не удивлялся. И необычным образам тоже не дивился, ибо в эту ночь, среди

лунного света и всполохов костра, всякий мог странным показаться. От того и бегала Марашка каждый год на праздник: повеселиться и потанцевать.

А местные её и принимали хорошо. Иные разы даже парни молодые передрались могли, лишь бы потанцевать с Марашкой. Ведь всё-таки девицей она была миловидной. Белокожа и с тугими чёрными косами, губы пухлые, запястья тонкие. Ух! Загляденье. Мавки-то они всегда красавицами слыли. Главное было: широко не улыбаться, клыки не показывать. Но у Марашки и клыки-то маленькие были. Она, в отличие от других мавок, на кровь людскую ни разу не покушалась. Хоть и хотелось иногда. Но совесть не позволяла. Раз ты каждый год пляшешь с этими людьми вокруг костра – нехорошо детишек их потом лопать... В общем, странная мавка из Марашки вышла – не злая какая-то вовсе, с совестью и с понятиями...

Так и получилось, что принарядилась мавка. Бледность мертвенную закрасила: клюквенным соком губы и щёки подрумянила. А еще веночек из лесных цветов на голову надела. И вышла к деревенскому костру поплясать.

Из года в год так делала уже сто лет, и всегда всё замечательно получалось. Да тут сразу что-то не так пошло. Стоило только Марашке выйти из опушки, как тут же на неё какая-то псина набросилась. Чёрная, лохматая, страшная! Здоровенный волкодав! Как толкнул лапами, мавка аж упала от неожиданности.

– Фу! Фу, Чеснок! – закричал какой-то мужчина, и пёс тут же отскочил назад.

Незнакомец протянул Марашке руку, да принялся извиняться:

– Ой, прости, девица, моего пса! Он не злой вовсе! И не обидел бы тебя. Наоборот, слишком даже ласковый. Как понравится ему кто – так сразу же ластиться бежит. Да всё лапами вперед...

Мавка за руку предложенную браться испугалась. Кожа-то у Марашки была леденющая, как у всякой нежити. Не дай морок, кто-нибудь в деревне распознает нечисть. Тут же схватят и сожгут. Марашка сама встала, отряхнулась, увидела свой помятый веночек в траве – расстроилась. И посмотрела сначала на негодного пса с укором. Тот взгляд её словил и тут же морду жалобно опустил. А потом на хозяина. Да как увидела его мавка, как разглядела, так и обомлела. Стоял перед ней добрый молодец, собою хорош! Статный, крепкий, высокий. Весь собою пригожий. Волосы, как пшеница, и глаза чёрные – два угля. Да такой взгляд... Смелый, сильный. Будто бы всякое повидал этот человек на своем веку, да ничего теперь не боялся. Ну есть богатырь и по стати, и по душе – сразу видно. У мавок обычно сердце почти и не билось – по два удара в день и то не всегда. А тут Марашкино сердечко загрохотало, будто выскочит сейчас! Она за столет жизни уже и всякому стеснению разучилась, казалось. Да тут вдруг смутилась.

Незнакомец меж тем и представился, Светозаром назвался. Марашка и своё имя назвала. Так и разговорились. Оказалось, что оба они нынче в этой деревне пришлые. Светозар рассказал, что много странствовал до этого по свету. А Марашка-то из своей проклятой чащи сто лет почти не выходила! Вот и стала расспрашивать нового друга про одни земли да про другие. Наслушаться не могла. И всё чувствовалось, будто душа знакомая попалась. А ведь бывает с иным человеком и парой слов не обмолвишься. А с другим – наговориться не сможешь. И заметила Марашка, что смотрит на неё Светозар как-то с интересом, любитесь украдкой. На её улыбку и сам улыбается. Только скромничает слишком, всё пытается с краю держаться, подальше от праздника. Разговоры разговорами до глубокой ночи, но мавке-то и повеселиться страсть как хотелось. В конце концов, женская хитрость всегда ловчее мужской. Так и вытащила Марашка Светозара потанцевать. И ещё быстрее сердце забилось, сильнее, чем у иной живой девушки! И слышала она в ответ, как и его сердце в такт грохочет. Так весь вечер пролетел. Ночью уж и расставаться жалко было. Но ближе к утру пора стало по домам расходиться.

– Дай провожу тебя до дому, Марашка, – улыбался Светозар. – Нынче в ваших краях в одиночку блуждать опасно.

Мавка такого допустить не могла. Куда её провожать-то? В болота жуткие? Нет уж... Принялась отказываться.

– Ну, а как же увидеться нам ещё хоть раз тогда? Если я

дома твоего знать не буду? – расстроился добрый молодец.

– А ты сам мне про свой дом расскажи. Где живёшь? Завтра на закате прибегу к тебе – свидимся.

Светозар тут радостно заулыбался и всё про свой новый дом рассказал. Удивилась Марашка... В той избушке давно уже никто жить не хотел. Все местные морока лесного боялись и на самых опушках давно не селились. Но новый знакомый так понравился Марашке, что она всё равно согласилась на завтрашнее свидание.

Так и расстались под самое утро Марашка и Светозар. Нехотя побрели в разные стороны. Да каждый ещё долго вслед другому оглядывался. И только друг о друге и могли думать. Скорей бы ещё раз свидеться! Даже Чеснок скулил жалобно, не хотел с новой подругой разлучаться.

Но стоило только Светозару из виду скрыться, а Марашке в лес завернуть, как случилось неожиданность. Встретила её там бабка Мгла. Не пойми откуда выскочила.

– Я тебя предупредить пришла! – заговорила старушка.

Бабку ту все черти лесные знали, знала и Марашка. Ведьмы ведь издревле посредниками меж мирами были. Явь и Навь между собой связывали, и так гармонию общую поддерживали. А если б не они, так невесть какой бардак на Земле бы начался. Люди бы в Навь верить перестали. И души заблудшие ещё яростнее живых мчали, беды и болезни новые выдумывали. Так вот важны ведьмы были. Сегодня и увидела ведьма, что миры меж собой перепутались. Да пришла

порядок навести. Говорит Марашке:

– Давно, мавка, на тебя удивляюсь. Ходишь сюда каждый год, у костров плясешь. Я молчу, не мешаю. Зла ведь никакого не делаешь. От того и совет хочу тебе дать. С ведунном Чернобором ты зря сблизилась. Опасная то затея. И не заметишь, как он тебя, нежить холодную, поймает и в костёр бросит.

У Марашки аж будто кол в грудь вонзился.

– Перепутала ты что-то, бабка Мгла! – замотала головой Марашка. – Его Светозаром звать, странник он пришлый...

– Странник пришлый, верно, – перебила ведьма. – Пришлый, чужой, опасный! Не сказал он тебе, почему так много странствовал по свету? Угу, а знай теперь! Потому, что учился с чернью биться. Знания о своём ремесле собирал по всем деревням и весям. Так и стал прославленным черноборцем – читай: с чернью борцом! У него против таких, как ты, сотня средств есть. Смотри же! Не навлекай сама на себя погибель. Не водись с ним больше. Чернобор сюда приехал, чтобы всю нежить и весь морок из леса вычистить. Враг он тебе!

Марашка так и застыла. И сказать ничего не смела... Всё внутри будто кипятком обожгло. За сто лет не было ещё такого. Чтобы сначала хорошо до невозможности. А потом вдруг – бах! И так плохо, так больно, как и живым от раны кровоточащей не бывает! Имелись бы у мавки слезы – бросилась бы в чашу рыдать. Да плохо быть нежитью – лишена она такой милости.

А ведьма, сказав своё, пошла прочь. Засерело небо, будто всё из металла выкованное, занялся рассвет. Плохой знак в том прочла мавка. Серебро-то оно смертельно для всякой нежити. А тут всё небо, будто сплошная серебряная смерть...

Надоело мирозданию про любовь смотреть сны. Подмяло локоть под бородастую голову и сказала: «Пусть Всё запутается, да загадочным станет!». Локоть тот дорогу холодному циклону освободил – пошёл по земле холод. Сказано – сделано. Принялось Всё запутываться и усложняться.

Чернобор шёл в свою избушку и всю дорогу посвистывал. Песни с ночи как прилипли. Давно так не отдыхал душой молодой ведун. Ремесло он себе избрал непростое, опасное. От того-то жизнь приходилось вести аскетичную. Потому что если только дерзнёшь дурной поступок совершить, так силы все благие оставят тебя. Не будет свет мирской помогать нечестивцу. И как тогда мороку всякому противостоять? Поэтому Чернобор вёл себя всегда тихо и спокойно.

Но сердце-то ещё молодое истосковалось по веселию. И тут вот вдруг попала в деревне девушка... Ну до чего хороша! Вся стройная, нежная, точно молодая веточка. А взгляд игривый, будто огонёк какой внутри горит! И слушала так внимательно, так смотрела! И отвечала мудро на все рассуждения. Никогда ещё такую не встречал Чернобор. Хотя не

был девичьим вниманием обделён. Но Марашка... Особенная она какая-то была! Не такая, как все. И запала в душу. Глаза закроешь – а она всё будто перед тобой стоит, улыбается. Вот бы хоть дотронуться до неё... Ладони запустить в чёрную копну волос. И дальше вниз пробежаться кончиками пальцев по белой коже от щёк по шее. И ниже, ниже... Да обхватить потом тонкую талию... Ох! Но Марашка за всю ночь даже руки своей коснуться не позволила! Даже танцевала так, чтобы не дотронуться лишний раз. Вот до чего достойно себя ведет! Вот это непорочная девица!

Уж и до дома дошёл Чернобор и на печь завалился – поспать бы. Да всё покой не приходил. О Марашке были все думы. Так и маялся бы, если бы не помощь домового. Тот почуял, что у хозяина мысли пляшут, а тело отдыха просит. Вот и нашептал что-то своё волшебное. Дрёма на избу опустилась. Сначала Чеснок самый первый захрапел у входа. А следом и Чернобор.

Уже ближе к вечеру проснулись все. У молодого ведуна много дел имелось. Нужно было разных зелий изготовить, водицы святой во флягу отлить. Ночью предстоял поход в лес, на морок охота. Нужно было Чернобору начинать и дело делать. Кого сразу уничтожить святой водицей. А кого сначала допросить. Ведь у любого зла всегда причина есть. И пока ты тот главный корень не выкорчуешь – ничего толку иметь не будет. Одного чёрта победишь – другой родится. Нужно было разгадать, где же первоисточник. Первое лихо, с которого всё началось. А местные говорят, что уже примерно сто лет тут нечисть копится. Значит, и искать надо ту нежить, ту гадость, которой примерно столько по возрасту.

Но сначала с Марашкой погулять. Служба ведовская, она ещё ночью успеется. А вот девушка обещала на закате прийти. Всё заранее к ночи приготовил Чернобор, вышел во двор и уселся на завалинку – свиданья ждать.

Марашка маялась весь день. Как же так? Впервые за сто лет сердце, как живое, забилося, и всё забыть теперь? Тосковала душа у мавки. Слонялась Марашка по тёмной чаще, ничего не замечая. Тянулось сердечко на свиданье сбегать, хоть ведьма и запретила.

Всегда и так немило Марашке всё было в лесу, и так тяготил её всегда вид топей зловонных, и так скучно ей было чертей лохматых на посиделки в своем логове принимать... А теперь и вовсе будто почернело всё.

Но чувства-то они разуму не подвластны, сколько не запрещай им, всё равно побеждают. Вот и подсказало сердце хитрость. На свидание сходить, но якобы не развлечения ради. А вроде как на разведку. Хоть и скучно жилось Марашке среди нечисти лесной, но всё ж друзьями те ей были. А кто захочет друзей терять, пусть они и черти? Вот и придумала себе мавка, что сходит на свиданье, тайны все выведаёт. Да своих предупредить успеет. Один раз Чернобор своего не добьется, два, три... А потом и сдастся, глядишь. Оставит лес в покое... Будет всё как было...

С теми рассуждениями собралась. Снова щеки и губы приукрасила, волосы гребнем вычесала. Да пошла на свидание.

Пришла, а Чернобор её ждёт уже. Сидит на завалинке, травинку жуёт. А сам в руках веночек какой-то крутит. Это он ей, Марашке, оказывается, подарок такой приготовил. Опечалилась она вчера, когда Чеснок её толкнул и веночек испор-

тился. Вот Чернобор ей новый и сделал. Да так старательно, красиво всё сплел – загляденье. Сами не заметили Марашка и Чернобор, как разговорились. Теперь уж не отвертеться было ему – рассказал про свое ведовское ремесло. А Марашка слушает и на ус мотает.

Время текло, будто волшебное. Сидишь, кажется, медленно тянется. А оно на самом деле летит быстрее урагана. И чувствуют два сердца, будто созданы они друг для друга. Говорить им не наговориться – вот сколько тем общих. Да и смотреть обоим друг на друга приятно. Один взгляд кто на кого, так аж сразу кровь разгоняется.

Но мавка за всеми этими страстями разума не теряла. Так и выведала всё нужное у Чернобора. И как он станет по самым туманным лощинам рыскать. Как там на нюх всякую злобищу выискивать будет. А уж где лихо почувствует, там и наворотит ворожбы светлой всякой. Пометит всё вокруг болот камушками заговорёнными или иные странные места водицей святой обрызгает. На дурных деревьях, где морока явно много скопилось, ленты с вышивкой особой повяжет на ветви. «Чур» на тех лентах вышит. Такой узор всякую нечисть мигом из укрытий погонит – только повесь рядышком.

Главное, только зловонное лихо верно учуять, а там уж за Чернобором не постоит! Уж он каждую нечисть без обиталища оставит. А кого из темных уголков выманит – того сразу же поймает. Расспросит хорошенько. И потом сожжёт. Да

так после себя всё обворожит, чтобы иной нечисти неповадно было лиходействовать отныне.

Слушала Марашка, и будто две души в ней друг с дружкой шептались. Одна глядела на Чернобора и налюбоваться не могла. До чего ж хорош! И смел, ничего не боится, на всякое лихо управу знает! Да рядом с таким, как в неприступном укрытии. Хоть тебе ураган, хоть любая иная беда – он в обиду не даст. А другая – всё ужасалась тому, экий мастер в лес пожаловал! Так он, пожалуй, и правда, всех мавкиных друзей истребит. И как же жить тогда дальше? Да как самой в его пути не попасться? И главное, что волновало Марашку... Раз Чернобор так всякий морок чует... Так почему в Марашке-то ничего не замечает? Уж она-то, мертвец ходячий, вообще – первый его враг... Странно...

Так нагулялись оба до глубокой ночи. И Чернобору пора было уж в лес идти. Марашка снова не позволила себя до дому проводить. Но просто так он её отпускать не хотел. И за руку было взять пытался, и словом ласковым обольстить. Но мавка от всего того увернулась, пообещала завтра снова на свидание прийти да сбежала восвояси.

За первым же поворотом нырнула в лес. Бросилась бегать и кликать всех жителей проклятой чащи. Мол, ведун к вам идёт. Рыскать по лощинам и тёмным уголкам станет. Дух ваш злой вынюхивать. А где лихо какое учует – там такую ворожбу светлую сотворит, что конец вам придёт. И принялась чаща гудеть, друг другу весть дурную передавать. Так

вот и вышло, что попрятались черти и нежить всякая куда подальше. Кто сбежал из лесу на время. Кто на самые верхние ветки высоченных сосен залез. Кто из болот вылез и под землю зарылся. Каждый, как мог, спасался. Да и мавка сама выбралась на широкую полянку, среди высоченной травы укрылась – там, на лунном свете, Чернобор уж точно никого искать не станет.

Всю ночь бродил молодой ведун по проклятому лесу. Ничего понять не мог. Вроде жуть в лесу чувствуется, и топи зловонные повсюду размножились. И звери озлобленные все кругом. То и дело от них защищаться приходилось. И деревья сплошь почерневшие, умирающие... Ну все, как и бывает обычно в самых проклятых местах. Да только... ну никто не попался Чернобору! Ни одного чёрта не словил! Сколько ни искал, сколько заговоры всякие разные ни читал, сколько на подозрительные места святой водой ни брызгал – ничего... Никто не выпрыгнул от страха из укрытия и ведуну не попался... Опечалился и насторожился ведун от таких загадок. Даже Чеснок приуныл – любил он со всякими чудищами в догонялки поиграть.

Вернулся домой, стал думы думать. Что за наваждение такое? Надёжная догадка только одна у Чернобора родилась. Бабка Мгла, ведьма, видела ведуна на празднике. Только она и могла всякую нечисть предупредить. Но зачем? Ведьмы обычно границу миров оберегают, за равновесием следят.

Если тут в лесу морок разбушевался, то бабка тоже должна была бы хотеть всех приструнить.

Не мешкая, отправился Чернобор ко Мгле на разведку. Коли дружит ведьма с нечистью, коли равновесие не соблюдает, так оно сразу почувствуется. Стоит только в дом зайти, где лихо всякое часто гостит – так сразу сердце дурной дух почувствует. Не нужно и ведуну для этого быть. Даже простой человек такое замечает.

Сходил Чернобор к Бабке Мгле в гости. Старушка приняла его радушно. В доме её много чудного имелось. Но Чернобору оно понятно было. Травки разные сушёные – для лекарства. Нити всех цветов в катушках – для вышивки защитных оберегов на одежке. Свечи – для просьб к высшим силам. Перья разные птичьи (и петуха, и ворона, и сокола) – для защиты от злых сил. Камушки чудные разноцветные – чтобы судьбы менять. Куклы тряпичные – для всякого житейского чародейства. У Чернобора и самого всё это среди вещей валялось. Поговорил Чернобор малость с бабкой Мглой, ничего толком не разузнал... Нечисти никакой в доме не встретил. Так и ушёл ни с чем... Ещё больше задумчивый, чем до этого был.

Решил ближайшей ночью ничего не предпринимать. Дать мороку всякому успокоиться, выдохнуть, да снова проявиться.

В тот вечер только с Марашкой он себе позволил погулять. Ох, до чего мила ему эта девица стала. Вот даже и стало

Чернобору мечтаться: может, бросить своё ремесло опасное? Осесть тут, в деревне, жениться на мудрой красавице Марашке, детишек настругать... А мороком всяким пусть иные люди занимаются. Те, кто любовь свою ещё не встретил. Ведь он-то, Чернобор-Светозар, своё сердце потерял уж совсем, кажется. Полюбил он загадочную Марашку всей душой. Так желал её, как никого ещё никогда не хотелось. От одной её походки плавной уже голова кружилась у молодого ведуна. А уж когда поворачивалась она вот так, на ходу, шею белую тонкую изгибала... Да на щёчках у неё ямочки от скромной улыбки появлялись... Ох, тут и закипало всё естество мужское... Но одной красоты было бы мало Чернобору, чтобы влюбиться. Ещё и разговоры у них были добрые, мудрые – о вечном о светлом. Разве со многими девицами о том потолковать можно? Иные красавицы только о суете мирской и кудахчут. Обзеваетесь рядом с такими... А Марашка и умом острым отличалась и рассуждениями добрыми. Уж точно решил Чернобор, что эту девицу добьётся во что бы то ни стало. Но сначала дело сделает. Нечисть в лесу победит!

И так захотелось Чернобору поскорее от работы освободиться, что разгорячился он.

Наутро, выспавшись, встал и принялся трудиться. Настругал осины, попросил у деревенских бабенок всяких нитей белых и красных да побольше. Перьев в курятниках наподбирал. Да сделал ловушки для любой нечисти. Таких в местных землях ещё не видывали. Но Чернобор этот инструмент на

чужбине приглядел. Там, в далеких странах заморских, назывались они «ловцы снов». Их вешали над дверями, чтобы нечисть в дом не могла проникнуть. Здесь, на родной земле о силе подобных вещичек никто толком не знал. Ну то ведуну и на пользу. Раз люди не видали, значит, и нечисть тоже. В новинку им будет – мигом попадутся! Чернобор ещё и своих ухищрений добавил. Прикрепил бубенчиков всяких и ленточек с чуром, в рамку осиновую маслом ладана намазал – то вообще сильным средством от любого лиха считалось.

Наделал ловушек таких, да прям среди бела дня пошел в проклятый лес. И развешивал диво заморское во всяких подозрительных местах. Не знает местная нежить таких ловушек. Пройдёт мимо – сразу попадетсЯ, как зверь в капкан! И вырваться не сможет. А от масла ладана так и гибнуть во все начнёт. Медленно будет умирать, мучительно, будто на костре сгорает. Вот тогда-то Чернобор объявится да сделку жертве предложит. Расскажи ты, мол, мне, чёрт косматый, кто у вас тут главное зло? Ради чьей дружбы сбежались вы все сюда? Коли расскажешь, так я тебе смерть лёгкую подарю. А коли смолчишь, так и будешь маяться еще долго в жгучей ловушке, пока совсем не сгинешь.

Вот такую хитрость придумал Чернобор. Да так распалился, что быстро-быстро всё обошёл, развесил, где только мог с десяток таких ловцов снов. И довольный вернулся домой.

Сидит радостный опять на завалинке. Весь в предвкушении. Вот-вот должна снова Марашка явиться! Уж теперь-то

Чернобор её одну домой не отпустит! Не отделаётся она больше отговорками. Коли намерения у мужчины серьёзные, то незачем его чураться больше! Должен он и с семьёй познакомиться, и у матушки с батюшкой разрешения на ухаживания спросить.

Так и сидит Чернобор, а время идёт. Темнеет уже. Закат кончился. А Марашки всё нет... Чует любящее сердце – что-то не так. Ночь началась, а красавица так и не явилась. Али не мил ей стал? Нет уж! Знал всем своим нутром Чернобор, что чувства его небезответны. Видел, как смущалась от него Марашка, как улыбалась, как смотрела с нежностью. Наверное, случилось что-то по пути с девицей. Выручать надо! Но, куда ж податься?

Встал Чернобор и принялся расхаживать взад-вперед, раздумывая. Чеснок почувствовал, что хозяин тревожится, а может, тоже беду учуял и тоже заскулил. Точно! Чеснок поможет!

Наказал Чернобор псу своему по нюху Марашку попробовать сыскать. Ведь волкодаву тоже девица понравилась, всё он к ней приставал, смелее хозяина даже, только шею и подставлял, чтобы шерстку ему девушка потрепала.

– Ищи, друг! Ищи Марашку. Сможешь найти?

Пёс с надеждой гавкнул и приняться землю обнюхивать. Походил, покружил да скоро помчался куда-то. В самую что ни на есть проклятую чашу. Ну точно, беда приключилась! Сердце у Чернобора так и грохотало, будто молот в кузне:

«Не успел, не успел я морок победить! Утащило мерзкое лихо возлюбленную мою! Что ж будет с ней теперь! Жива ли ещё?».

Мчался по лесу Чеснок, а следом Чернобор не отставал.

– Ищи, друг, ищи!

Попалась им по пути ловушка одна. Угодил в заморский ловец снов какой-то дух злой. Ёрзал пыхтел, стонал, а вырваться не мог. Позабыл молодой ведун все свои хитрые планы, да бросился о возлюбленной расспрашивать:

– А ну, говори, мерзкий! Не похищал ли кто из твоих недавно девушку молодую, красивую, с чёрными косами до пояса. Роста невеликого, сама тоненькая, как веточка. Слышал о такой? Говори, да не лукавь! Иначе обреку тебя на гибель ещё мучительнее, чем тебе сейчас уготована!

Чёрт простонал:

– Да не знаю я никакую девку молодую! Многих нежить местная утаскивает в лес, кровушки свежей попить. Что ж я всех вижу что ли? Дурак ты совсем, ведун!

– Ну может хоть по имени, – отчаялся Чернобор. – Марашка её звать!

Тут чёрт вздрогнул и нахмурился:

– Дурак – он всегда дурак! Марашку одну только на всю округу встречал. Но никакая она не девушка, мавка она! Все её тут черти знают. На посиделки к ней в топи бегают. Она мудра больно, любому понравится с ней поболтать. А ещё всех рассудит, коли мы поспорим. Живет вон там: на север

иди шагов 500.

Отшатнулся Чернобор. Что за ересь услышал? Ушам не верит! Но чёрт свою пользу принес, сжалился над ним ведун – подарил смерть легкую, от серебряного клинка.

Сделал дело, а сам идёт дальше, на север. Как раз куда Чеснок бежит. Ступает и не верит. Али снится ему? Могла ли милая девица нежитью поганой быть? Мавки – они же существа ужас какие пакостные! Младенцев из деревень воруют и кровь их пьют! Вот какие мерзкие. Но сие лиходейство на любом существе след оставляет. Смердит потом злым духом. От Марашки же и намек на подобное не было! Добрые у неё глаза были. Только вот кожа белая такая, будто и не живая... О той странной белизне Чернобор задумался. Ах, и зря он скромничал и ни разу девицу хоть за руку не взял. Была бы ледяная – так всё бы сошлось сейчас. А так совсем не ясно ничего.

Мелькали мимо кусты и деревья, а Чернобор не видел ничего, весь в раздумья погрузился. И тут кольнула его в самое сердце ужасная догадка. Вот кто мог всю нечисть в лесу предупредить об охоте! Вот кому ведун по глупости всё рассказал! Она же хитрая выведала планы и побежала своих оповестить. Теперь всё сходится. Ох и плохо стало Чернобору от таких мыслей. Аж шаг замедлил. Ну как же так быть может? Ведь не злая Марашка была – сердце любящее чуяло!

Сам не заметил Чернобор, как Чеснок вывел его на опушку у самых болот. Да там увидел он меж ветвей хрупкую фи-

гурку. Попалась она в ловушку мудрёную, как в капкан! Вырваться не могла. Тонкостанная, хрупкая, волосы в две черные косы убраны... Марашка...

Разбилось сердце у Чернобора на мелкие осколки.

Марашка впервые за 100 лет ощущала боль. Обычно нежить почти ничего не чувствует. Тело ведь ни живо, ни мертво, ни холодно ему, ни жарко – всё одно. Но тут, ух, как в кипятке варилась она! Что за пакость такая, понять не могла! Увидала у себя недалеко от любого болотца на ветвях диковинку занятную. Осиновая рамочка, а на нее нити намотаны, ленточки, бусинки – красиво! Что за диво? Сорока что ли откуда-то притащила? Эти барахольщицы только и таскали из деревни всякие побрякушки. Ну как тут девушке устоять? Вот и подошла, поближе разглядеть.

А оно раз! Да как затянуло, будто зверя в капкан! Да как защипало! Как зажгло! И почувствовала тут же несчастная мавка, как тает она. Прямо как снег под солнцем плавится. Только снег не погибает, а в водицу превращается. А Марашка исчезала насовсем. Уж не ходить ей больше по родной чаще. Не разнимать споры между Лешим и Водяным. Не болтать о том о сём с чертями лохматыми. Всё! Конец настал. Да только медленный такой. Мучительный конец. Как-будто по косточке в час её сжигали.

Мало было этого страдания, как добавилась и вторая беда... Увидала меж ветвей Марашка какого-то человека и с

ним пса. Кем же им ещё быть, если не Чернобором и Чесноком? Ох, срам-то какой! Весь мавкин обман разрушился. Как в глаза доброму молодцу смотреть? Убьёт он её теперь... Да не столько смерть страшна, сколько стыд. Ведь ещё вчера так смотрел на Марашку Чернобор! Так скромно любовался ею, так вздыхал... Влюблён был – это точно. Так и она в него влюблена по самую макушку! Сильно влюблена, как ни в кого никогда не люблялась! Возненавидит теперь молодой ведун проклятую мавку. А это хуже всякой смерти! Ох, мерзкая ловушка! Ох, убей побыстрее! Чтоб в глаза любимому не пришлось смотреть.

Заплакала Марашка от отчаяния. Горько-горько. И слёзы-то ей не положены были, нежити хладной. Но так больно стало мавке в самой груди, что застучало сердце, загромыхало. Разогналась кровь. И слёзы хлынули из глаз.

– Не смотри, Светозар, не смотри на меня! – только и смогла она простонать. – Убей, убей лучше поскорее.

– Я бы не смог убить тебя, Марашка, – сам чуть не плакал Чернобор. – Не хватило бы духу мне руку поднять на тебя... На самое прекрасное существо, какое я только встречал. Но ты уже умираешь, Марашка. Ладан тут в ловушке. Он для тебя всё равно, что яд.

– Ох, сладки твои речи... и сам ты слишком уж для меня хорош, для нежити проклятой. Сотню лет я уж тут маюсь в этом дурном лесу. Ни жива, ни мертва. Ни памяти у меня, ни дома, ни семьи – ничего нету! За какие преступления

наказана я, и вспомнить не могу... Ох, не смотри на меня! Не смотри глазами своими добрыми, сторю я под твоим взором...

– Как же так получилось, что так хороша ты? Так мила мне стала? Я ведь всех преступников, собратьев твоих, за версту чую! Всякую нечисть сразу замечаю. Как околдовала ты меня? Как смогла ко мне в сердце проникнуть? Так, чтобы и спать я не мог, только о тебе и думал! Даже жениться уж на тебе удумал...

Зарыдала мавка пуще прежнего от таких слов. И ладан жёг ей плоть хуже огня, и боль душевная изнутри раздирала.

– Так не совершала я зла-то никакого! Хоть и хотелось мне, но совесть не позволяла... Веришь? Бывает такое. Редко... может быть, очень даже редко. Но бывает! Что мерзкое с виду существо..., живущее среди сплошного зла, само внутри чистым остается! Живёт, само не марается, но и замаравшихся не судит!

– Сколько странствовал я по свету, не видел такого ни разу... – замотал головой Чернобор. – Загадка ты для меня Марашка...

Говорить мавке всё тяжелее становилось. Чувствовала она, как плоть её тает, исчезает, в туман обращается. Но на последние слова хватило сил:

– Если б злом я была, то почуял бы ты – сам же сказал. Если бы злом я была... То сердце моё хладно было бы хуже камня. И не полюбила бы я тебя ещё с самой первой встречи!

И не мучилась бы теперь от такого стыда... Прости, Чернобор, что про себя всё утаила. Прости и уходи, смерть моя уже близко, чувствуя я. Оставь мерзкую мавку! Оставь нежить поганую умирать тут. Хороша твоя ловушка – славно услужила тебе...

Не выдержал Чернобор такой муки. Схватил Марашку крепко-крепко и поцеловал.

Вздрогнул мир. Отродясь никто на земле такого не видел. Чтобы мавку, нежить хладную, кто-то бы из мира живых полюбил. Да так сильно, искренне! И чтобы она же в ответ так же! А любовь-то она сильнее урагана, сильнее землетрясения, сильнее условий любых. Коли одна хилая искорка может мрак разогнать, то на что же способен большой костёр? Зашумели два мира – Явь и Навь – задрожали, спутались, раскололись. Что за диво? Куда девать теперь эту чудную любовь-то? Чувства ведь никогда никуда не деваются. Они живут с людьми в их сердцах, и никуда не исчезают даже после смерти. Но с такой-то любовью что делать? Куда девать запретную? Когда жизнь вдруг полюбила смерть?

Затрясло мироздание косматой головой: «Чур меня, чур меня! Встань Всё на свои места!». Сказано – сделано. Всё как смогло, так и встало.

Почувствовала вдруг Марашка, как сердце по-новому забилось, как кровь потеплела, как грудь вдруг задышала. И

боль жгучая прошла, и плоть из ловушки освободилась. Отшатнулась от объятий изумленная Марашка. И принялась сама себя разглядывать.

А пес Чеснок вдруг начал радостно лаять. У Марашки от испуга мурашки по коже побежали! Подул ветерок лесной, и стало ей холодно! И Чернобор во все глаза на неё смотрел. Увидел, как зарумянились у возлюбленной щеки. Как губы до того бледные вдруг покраснели, стали красные, будто бычья кровь. Глаза по-новому заблестели. Ещё краше стала, чем прежде. А ведь и так было глаз не оторвать!

– Что же это со мной, Светозар? – только и смогла она вымолвить.

– Ожила ты, Марашка... – сам едва верил в свои слова Чернобор.

Ущипнула себя она – ух больно!!! Ну точно – ожила! И тут же принялись в голове воспоминания мелькать. Вся жизнь прошедшая к ней вернулась в разум.

– Не Марашка я, – замотала девушка головой. – Морошкой меня матушка назвала. В честь любимой ягоды... Это я потом вспомнить не могла ни как звать, ни откуда родом. Вот и придумала себе, что на ум пришло...

А уж кто имя свое наречённое вспомнит, тот и связь с родом своим обретает. Тут уж и всё остальное на место встаёт! Вспомнила тогда Морошка всю свою судьбу. Как жила она на краю леса в доброй избушке. Той самой, что нынче проклятой зовётся. Той, где Чернобор обосновался. Много юношей

за Морошкой ухаживали, да никто не мил ей был. Кругом подружки замуж выскакивали. А через полгода уже животном вперед ходили. Морошке грустно было одной, но и абы за кого она тоже замуж идти не хотела. Знало сердце, верило, что предназначено настоящую любовь обрести. А все в деревне меж тем начали над Морошкой насмехаться. Засиделась, мол, в девках – что с ней не так-то? Однажды на праздник так и вовсе зло подшутили. Привязали к ноге бревно и заставили так по деревне весь день ходить, позориться. Тут уж Морошка совсем расстроилась... Пошла к подруге своей за советом. Подруга та ведьмой была. Неразумной ещё, молодой. Слова ещё не умела верные подбирать. Заглянула в Морошкину судьбу, да дурной знак там увидела. Взяла и брякнула подруге всё как есть! Мол, встретишь ты свою судьбу, да нескоро! Через 100 лет только любовь настоящая к тебе придёт! А пока суженный твой даже не родился ещё...

Как услышала о такой печальной судьбе своей Морошка, так будто удар в самое сердце получила. Кто же сможет столько ждать свою любовь? Целых 100 лет? Да через столько времени кожа одряхлеет, спина горбом обрастёт, немощи измучают – кто ж её тогда такую полюбит? И что это за любовь такая будет? А до того? Всю жизнь без любви маяться? Выбежала от подруги Морошка вся в слезах. Так ей было плохо, что аж задыхалась она. Куда податься? Домой? Чтобы опять родные за разборчивость журили? Или прочь из деревни – где первые же разбойники над ней надругаются?

Не знала, куда идти, как от самой себя убежать, от судьбы своей горестной. Бросилась в лес! Да с отчаяния и разум потеряла. От ужаса окоченела плоть, стёрлась память, сердце стало еле биться, а грудь только вздёргивалась по привычке, бездыханно. Бродила по лесу Морошка, всё больше в нежить превращаясь. Вот что боль душевная может с нежной душой сотворить! Не была Морошка ни на кого обижена, от того и злой не стала. Но и в мир людей не могла больше вернуться. Так и прошло сто лет.

А теперь вот случилось чудо. Пришла любовь настоящая, взаимная. И расколдовалась страданица.

– Кто же та ведьма была? – спросил Чернобор. – Кто та твоя подруга? Помнишь её ещё?

Охнула Морошка. Это ж та, что ныне бабкой Мглою зовётся! Мудрее стала небось за 100 лет... Раз до сих пор жива и здорова.

– А ведь права твоя ведьма оказалась, – усмехнулся Чернобор. – Ровно через 100 лет я тебя встретил. Сбылось пророчество!

– Ох, – вздохнула Морошка. – Подругами же мы были... Не со зла она мне такое сказала... Пойти бы надо к ней, помириться...

Так и сделали. Пошли в гости к бабке Мгле. А та уже ждала их у входа. Знала ведь, что в этот день Морошкина судьба должна свершиться... Обнялись подруги:

– Не держу на тебя зла я, подруга! – сказала Морошка. –

Не хотела ведь ты беды, по недомыслию лишнего сказала.

Заплакала на то старушка:

– Нам, ведьмам, недомыслие – худшим проступком считается. Уж раз берёшься с великими силами управляться, то нужно быть осторожной. Соизмерять поступки свои с последствиями. Так что проклята я за свою глупость... Ни имени у меня нет, ни счастья... Никто не помнит, как меня звать. А посему и счастье моё в пути затерялось. Кликало по имени – никто ему не отозвался... Так и не нашло меня... Вон, старая я, а всё несчастная, одинокая... И проклятая. Где я, там и злобища всякая вокруг копится... Аж лес весь мороком наполнился – всё моя вина. На моё проклятие сбежались они сюда. Наказана я жить в страхе вечном, и видеть, как землячки мои страдают от лиха разного...

– Но раз я прощаю тебя, то и мироздание должно простить, – заспорила Морошка. – Твоя неосторожность меня на сто лет мучений обрекла. Целый век я грустила там, в проклятом лесу. Ни сердца своего ни чувствовала, ни памяти не имела... Но я прощаю тебя. И имя твоё возвращаю. Велесой тебя звать.

И где же это видано, чтобы жертва измученная своего насильника простила? Вздогнула земля, зашипели меж собой опять Явь и Навь.

От их пересуд снова мироздание растревожилось. Поёжилось оно, пофыркало: «Кто там опять? Что, снова

та же Морошка? Ох, и надоедливы эти люди бывают!». Отмахнулось мироздание от глупостей человеческих, а от взмаха того разогнался ветер. Задул ураган со всей мощью, нагнал в миг туч грозowych. Разразился дождь. Вздохнуло мироздание: «Пусть Всё станет в порядке». Сказано – сделано. Всё и стало упорядочиваться.

Смылось дождём проклятие, растворилось всякое зло в чистой водице. Очистился проклятый лес от всякого морока. Неуютно стало в нём чертям лохматым. Кто зарылся в землю поглубже и уснул крепким сном до следующего тёмного часа. Кто так и погиб в ловушках Чернобора. И будто бы задышалось всюду в округе как-то легче. Весы добра и зла, наконец, в равновесие пришли. Сразу эту перемену люди почувствовали. Как оно так вышло – и не поняли. Но все Чернобора помянули добрым словом. Не зря ведуна позвали! Угомонил он нечисть! Очистил местную землю.

А Морошка вернулась в свой дом. Сыграли они с Чернобором свадьбу. И стоило любовь такую ждать сто лет. Ибо были они друг другу верны и телом, и мыслью до самой глубокой старости.

Вздохнуло мироздание: «Эх, вот и славно! Вот и пусть Всё будет хорошо!». Сказано – сделано. Так и стало Всё хорошо.

Конец

Елена Чертилина

Сказ о том, как Любава с Зелёным Змием воевала

Быль сия или небыль (кто теперь скажет?) приключилась во времена далёкие, но не такие давние, когда богата была Русь, наша матушка, что светлым местом зовётся. Богата девицами добросердечными да богатырями славными. А уж светилася и сверкала Русь ярче злата-серебра. От высоких гор до глубоких рек сверкала жемчугами брежными и безбрежными.

В каждой реке и речечке, в каждом озерце и озере прекрасный жемчуг произрастал. А уж свойства его полезные да волшебные по всей Руси славились...

Во времена те в деревеньке не большой, не малой, где все друг друга знали, знали, да привечали, традиции чтили, старших уважали, младших не обижали, жила-поживала семья одна.

Мать Любава, что добротой своей на весь окрестный мир славилась. Отец Белогор, что велик был да справедлив. Да детишки малые, несмышлёные Варварушка и Миролоб. Семья известная была трудом своим по добыче жемчуга речного. И хоть труд сей был тяжёл и опасен, однако ж богата

была Русь такими тружениками.

Любава с Белогором с молодых ногтей обряд водоположения прошли, чтобы всеми силами родной деревне помогать, да жемчуга со дна Волги-матушки доставать. Знали хитрости, умели так чудодейственной мазью, что из яда жабы да травы челебухи изготавливали, тело намастить, что в водице речной студёной чувствовали себя, будто русалки. В глубины речные ныряли. Со зверьём дружбу водили. Моллюски перед ними раковины свои сами открывали, жемчугами похваляясь.

Жила так деревенька, горя не знала. Жемчугами, со дна речного добытыми, красны девицы ушки свои бархатные да шеи атласные украшали. А уж если хворь какая с кем приключалась али немочь, так ценнее жемчужной пыли не сыскать было. Так и повелось, что и деревня, и сёла окрестные знатным здоровьем жителей своих славились.

Но беда пришла, откуда не ждали.

Не уберётся Белогор от напасти страшной. Укусил его Змий Зелёный, что под водой водился, да честных тружеников поджидал. И хоть ведал Белогор все премудрости, ан не смог себя уберечь... Весь болотной жижей покрылся и внутри, и снаружи. Боль да отчаяние стали верными спутниками добра молодца, и только горячая вода могла те боль и отчаяние унять...

Приходил Белогор в избу свою ни жив, ни мёртв. Глаза его, прежде ясные, на глазищи водяного стали похожи. Стал Белогор жену родную, прежде такую любимую, обижать, словами бранными ругать, косу русу на кулак богатырский мотать. Не мила стала жёнка ему, всё больше к русалкам да к водяным тело тянулося в надежде покой найти и успокоение...

Превратилась жизнь Любавы в Ад крошечный. И хоть сильна была девица и телом, и душой, а всё ж не знала, как с бедой, семью постигшей, справиться. Как мужа, что раньше

добротой своей да справедливостью на всю деревню славен был, а уж её с детишками малыми на руках носил, плечом богатырским от напастей закрывал, от болезни исцелить.

Сколько слёз Любава пролила, сколько заговоров прочла, ничего не помогало. Всё ниже и ниже опускалась головушка мужа раньше любимого, а теперь ненавистного... Всё больше мутная вода заливала очи ясные. Душа чернела, сердце застывало...

Знали все в деревне, что после укуса страшного человек либо меру меняет, либо водяным становится, али к русалкам жить уходит... Так и Белогор, не мог больше сопротивляться зову вод чёрных, так и ушёл не попрощавшись в водное царство к Змию Зелёному проклятушему...

Тут уж в деревне совсем плохо стало... Собрались тогда поселяне и стар и млад, чтобы всем вместе решить, как Белогора спасти. Ибо нет на земле нашей одиноких сердец. Каждый друг другу брат или сестра. Каждый в ответе и за себя, и за сородичей. Земля-матушка весь люд, как сынов своих и дочерей возвращает. А уж если беда страшная с кем приключилась, так не могут другие ни пить, ни есть – болит Душа общая, думы горькие думает...

Так и собрались односельчане на поляне большой, где праздники справляли да богов славили.

Речь взял староста.

– Спасать надо Белогора, люди добрые! Всю свою жизнь он нам помогал, никого из нас в беде не бросал. Мир нала-

живал, рассорившихся братьёв да сватьёв примирял, жемчуг добывал, землю родную славил. Не можем бросить мы его в беде, отдать душу его на растерзание Змию Зелёному да водяным! После сами себе не простим, что брата сваго в беде бросили! – сказал староста, как отрезал.

Тут шум да гвалт поднялся вокруг. Согласны были односельчане со старостой. Да кто пойдёт Белогора спасать? Зелёный Змий из лап своих длиннющих да когтистых никого просто так не отпустит. Кровушки свежей, богатырской напившись вдоволь, чудище подводное таким сильным становится, что только хитростью да смекалкой и можно его одолеть. Ну ещё, конечно, узы кровные нужны. Ничто так не помогает в битве с напастями всяческими, как кровь родимая.

Но батька у Белогора совсем уж в годах был, послать его сына спасать значило на смерть верную отправить.

Вот и вызвались спасителями быть брат Белогоров, Всеволод, что силищей своей молодецкой славен был, да деверь евовный – Даромысл, умом светлым да сноровкой немалой всем известный.

А решивши, пошли добры молодцы к Любаве на поклон. Без неё Белогора из сетей вражеских не вытащишь. Это всем известно. Только жёнка родимая могла в подводном царстве мужа морока лишить, да путь к дому родимому указать.

Однако-ж сдвинула Любава чёрны брови, сверкнула глазами на посланников. Не хотела идти мужа дорогого спасать, детушек малых, Варварушку и Миролоба, сиротами остав-

лять. Обида горькая в сердце девицы поселилась. Не могла простить мужу, что не уберётся, её и деток своих на горячую воду, на водяных с русалками променял.

– Не пойду, пускай сгинет, коль сам так решил! – глазами, как молниями, сверкнула, руки белые на груди сложила и отвернулася...

И хоть понимали все, отчего Любава глазами зыркает да упрямится, а всё ж не могли без неё в царство подводное отправиться. Пришлось на помощь бабку Ведару звать. Бабка много тайн и заговоров разных ведала. Мудрая была, смекалистая.

Поведала Ведара Любаве, в кого муж ейный превратится, коль в подводах останется. Сжалось сердце Любавино от горя-тоски. Вспомнила, как жили с супружником благоверным душа в душу, как деток растили, друг друга холили, лелеяли... И хоть много горестей узнала девица от мужа дорогого в недавние дни, а всё ж решила – надо муженька родимого спасти, себе да детушкам папку возвращать.

Подпоясалася, детушек расцеловала перед дорогой дальней и вышла к воротам...

Долго ли, коротко ли шли добры молодцы и супружница, а добрались до входа в царство болотное Змия окаянного. Но в царство простым смертным было не попасть без выкупа. Душа на душу, тело на тело. Коль мерность не поменяешь, к царю болотному не покажешься. Ведали то добры молодцы и Любавушка, ведали, ан не испужалися. Трубки волшебные

за пазуху опустили, чтоб из царства болотного выход найти, и пошли в болото чёрное, смрадное, в воды студёные....

Так и очутились прямо перед Змием клыкастым, смердящим, премерзким. Огромным царь болотный пред путниками предстал. Показались они себе тотчас козявочками малюсенькими. Уж скольких человек Змий на дно утащил! Сколько мужиков из-за него окаянного упилося! Сколько душ заграбастал, чтоб таким огромным, сильнющим стать!

Как увидела Любава муженька родного в гробу лежащего – в жиже зеленой, водорослями обвитого – так и ахнула. Сложила руки на груди девичьей, упала ниц пред владыкой царства водяного. Заголосила, завывала, заплакала.

– Отпусти Змий, муженька мага, любимаго! Отпусти на Землицу-матушку, в семью любящую, к детушкам маленьким. Что попросишь, для тебя сделаю! Любую цену заплачу!

– Отпусти брата родимаго, деверя славного, – в один голос вскричали Всеволод с Даромыслом. – Не уйдём без него, с места не сдвинемся!

Подплыл Змий к Любаве, к добрым молодцам. Смрадом и нечистью окутало их, еле на ноженьках удержались от вонищи такой. Осмотрел, обнюхал, заклокотал пастью своей премерзкой да смрадной:

– Так не держу я муженька тваго, братца вашего, хоть сейчас может вставать да идти с миром. Ан сам не желает. Хорошо ему со мной, – и захохотал так, что воды вокруг взбушевались...

Побежала тогда Любава к мужу родимому. Страшно смотреть на прежде статного молодца стало. Лежал ни жив, ни мёртв. Жижя зелёная обволокла всего, водоросли руки-ноги опутали, изо рта жижя сочилась. А вокруг Белогора тьма-тьмушая таких же, как он. Кто на цепях подвешен, кто в тине колыхается, кто в гробы положен... Настоящее трупное царство...

Горько было Любаве видеть того, в кого муж превратился. Однако ж надежда в сердце любящем ещё теплилась.

– Вставай, родимый, пойдём домой, – стала просить Любава мужа.

Не пошевелился Белогор. Еле-еле слышно промолвил булькающим ртом:

– Зачем мне туда идти? Что хорошего там? Обижал я тебя, ты на меня злиться будешь...

– Крепко тебя люблю. Жизни без тебя не чаю, – горько плакала над мужниным гробом Любавушка, – в мечтах своих каждый день к богам обращаясь, прошу у них вернуть тебя, любимого! Ещё детишек от тебя хочу родить (помнишь, как мы мечтали о семье большой, чтоб семеро деток у нас было?). Священную рощу хочу с тобой посадить, чтобы добра на Землице-матушке больше стало. А уж как внуки пойдут, так не справлюсь без тебя. И всё это хочу сделать с тобой рука об руку. Нет мне жизни без тебя, Белогорушка. Коль не встанешь, так впору и мне с тобой ложиться тут рядышком...

– А как же детушки наши малые? – вопрошал Белогор.

– Детушки одни всё равно не останутся, не бросят их люди добрые, – Любава отвечала. – А я тины болотной с тобой отопью, и рядышком лежать будем. Не мила мне жизнь без тебя.

Взбаламутился тут Белогор, повёл плечами прежде широкими, а нынче усохшими, тину болотную с себя сбрасывая:

– Ну нет, не могу я Варварушку с Миролюбушкой на добрых людей бросить. И ты, Любава, дорога и мила мне, – подниматься стал медленно, уж больно сильно выросла тина в тело богатырское.

Тут Змий, хитро на Белогора поглядывая, снова заклокотал:

– Зачем тебе туда идти? Что там ждёт тебя хорошего? А у меня, погляди, как замечательно: мир и покой, и никто тебя не трогает, душу не выворачивает.

Посмотрел Белогор на Змию, опротивелся:

– Жить хочу! К семье своей хочу! Нет мне жизни без них, и им без меня жизни нет! Нужный я им! Не хочу покоя, хочу счастья да радости! А коль горе мне с ними будет, так и на то согласен, лишь бы не покой.

Поднялся Белогор из каземата своего, плечи расправил, вздохнул полной грудью, скинул с себя оковы смердящие.

Закричал тут Змий страшным голосом, извиваясь весь, и сгинул, будто его никогда и не было...

Вернулись Любава с мужем возродившимся, Всеволод да Даромысл в деревню родную, преславную.

И от радости такой решили в деревне пир на весь мир устроить, заново свадебку Любаве с Белогором сыграть, коль переродились они для новой жизни, заново друг друга сыскали.

Собрался на пиршество то весь люд честной. Столы отяств ломилися, хороводы не кончались, песни задушевные весь день и всю ночь продолжались.

И сказал староста молодым:

– Вы теперь не просто муж и жена, вы теперь – супружники. Были – раз, стали – дый.

А засим – три, четыре и вслед, к богам всевышним. Только вперёд и вверх. А уж делов на эту жизнь у нас всех вдоволь найдётся. Потому что расти нам всем только вверх, идти – вперёд. А кто старое помянет, тому глаз вон.

Показал пальцы свои растопыренные:

– Боги с нами.

Раз – Рассвет, два – Дажьбог, три – Стрибог, четыре – Сварог, пять – Пан, шесть – Сест, семь – Семеш, восемь – Веста, девять – Дев, десять – Царь.

Обнял тогда Белогор Любаву. Молвил:

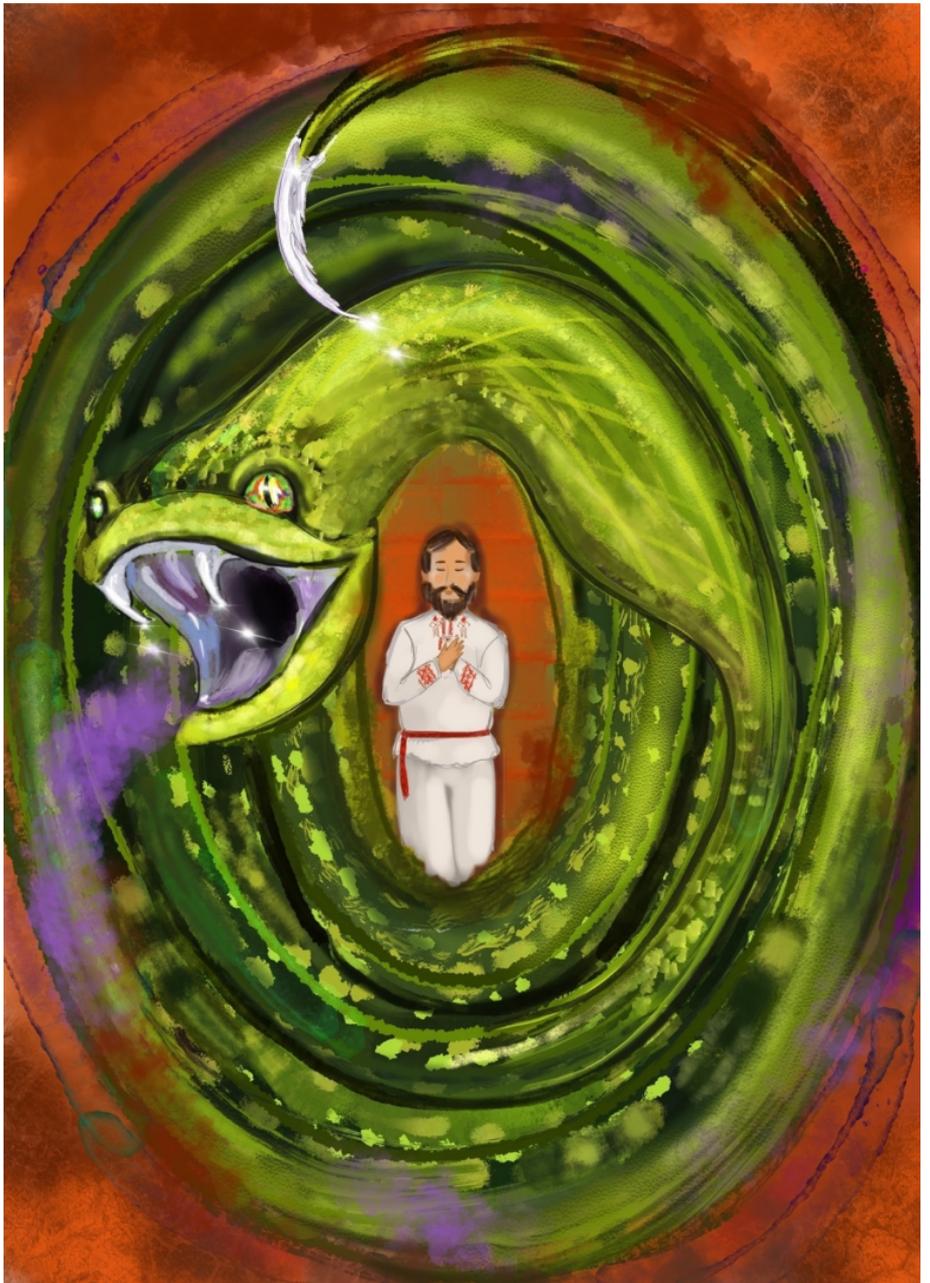
– Боги с нами!

Поглядела Любава на супруга любимого, ненаглядного, на рученьки свои белые, сжала, разжала кулачки, на пальчики аккуратные взглянула и подумалось ей: «Роки, ангелы, богатыри, сатиры, семиры, везиры, дэвы – с нами».

Улыбнулась...

Боги с нами!

Конец

Ольга Бурганова

Сон

Ночь. В бревенчатой светелке
От поленьев жар в печи.
За окошком дремлют елки,
С тенью острой, как мечи.
Свет играет по оконцу.
Песнь луне поют сверчки,
А луна – ночное солнце
Зацепилась за крючки.
Полотно висит из пуха,
В узелке стоит чеснок,
Он хранит от злого духа
Дома светлого порог.
Огоньки в печи пылают.
Беспокоен девы взор.
Искры в небо улетают,
Ткут из звезд ночной узор.
Околдованная ночью
И усталая за день
Спит она, как ангел точно,
Блещет светом ее тень.

Ее чары словно вишня,
Очи – птицы два крыла,
И дыхания не слышно,
Видит сон девица та.
... Вот, зашло в ларец светило,
И свечи погас огонь,
Как из леса конь ретивый
Беспокойный да хромой
Показался. Взор так бешен,
Ветер гриву растрепал,
Словно он пред Богом грешный
По святой земле ступал.
Спят давно ночные птицы
И дубрав природа-мать.
Растревожена девица –
Решено коня седлать.
Темнота, да в лес дремучий
Конь вперед ее несет.
Видно, девы дух могучий,
Сердца стон к реке ведет.
Крики дикие и тени,
Шепот слышен или свист,
Наклонились плугом ели
И густой туман навис.
У реки в траве, промокший,
Тот, чей конь девицу нес,

Лежит молодец продрогший,
Исцарапан он и бос.
Кровь из ран его сочится,
Ломит тело и болит.
Стало тише сердце биться,
Смерть с косою у ног стоит.
Запечалилась девица,
Помолилась у реки.
Набрала в ладонь водицы –
Взмылись капли-мотыльки.
Окропила его тело,
Уняла шальную кровь,
И душа, что улетела,
Возвратилась с неба вновь...
Первый луч зари коснулся,
И пропал тревожный сон.
Свет очей ее вернулся
И вошел в светлицу он.
Обнял молодец родную,
Горячо поцеловал.

И про то, как шел сквозь бурю
Он девице рассказал.
Как в лесу тропой ступая,
Зверя встретил на пути,
Шерсть его, как сталь литая,
Страшен демон – не пройти!
Клык его при лунном свете,
Словно меч в руках дрожит,
Словно вырвался из сети,
Видит жертву и бежит.
Зацепил коня лихого!
С неба ливень вдруг и гром!
Сделал лишь коня хромого,
Ну, а сам исчез, как сон.

Конец

Ася Батурина

Сказ про камень Алатырь, богатыря Градимира, невесту его Добравушку и волшебное дерево

Во времена далёкие, в года стародавние жила-была одна девица.

Звали её Добравушка и была она травницей, все тайны лечебные ведающей. Со всех сторон к ней сходились люди всевозможные. Чтобы от хвори избавиться и силы обрести телесные.

И однажды пришёл к Добраве молодец с глазами печальными и руками ослабленными. Ничего-то он ими сделать не мог, хотя с лет малых родители его премудрые к подвигам ратным и богатырским готовили. А звали того молодца Градимиром.

И как увидел Градимир очи ясные девицы сострадательной и приветливой, так и полюбил её всем сердцем своим пламенным. И руки его сами собой вверх поднялись. Да к небу лазурному и глубокому потянулись.

И сказал Градимир Добравушке:

– Спасибо тебе, девица, за подмогу полезную, за лечение нужное. Силы есть теперь в руках моих богатырских, и могу я снова горы сворачивать. Благодарствую тебе, Добрава прекрасная и прошу тебя стать женой моей любимой и преданной.

Полюбила и Добрава всем сердцем юношу синеокого да златкудрого и ответила ему согласием.

Но беда случилась в их селении. Скатился с небес камень Алатырь бел-горюч. Камень огромный и величины небывалой. Да навис над их землицей родненькой. Грозит камень Алатырь и разбить дома затейливые, и уничтожить реки полноводные, и раздавить леса зелёные и горы затмить высокие. Только мужам могучим под силу удержать камень тот величины небывалой, что Алатырь бел-горюч зовётся.

Собрались богатыри стародавние в дружину славную да взяли этот камень руками мощными, да ногами крепкими упёрлись в землю-матушку. Ох и тяжело удержать камень бел-горюч руками человеческими.

А Градимиру, богатырю отважному, от недуга едва отошедшему, так и вовсе непросто. Чувствует молодец, как слабеют его рученьки, да как норовит камень одолеть его. Воззвал Градимир к пташечкам небесным, вокруг него летающим:

– Ой, птичечки-невеличечки, вы скажите моей невесте

Добравушке, что погибает её жених любящий. Передайте ей моё слово последнее и благословение.

Прилетели пташечки быстрые и начирикали Добраве весть недобрую. Задумалась девица красная, как жениха любимого из беды выручить.

Взяла травница мешочек заветный с семенами волшебными и возвала к своим подруженькам:

– Ой вы девицы красные, подруги милые! И у вас среди молодцев, что камень Алатырь бел-горюч удерживают, есть женихи любимые! Пойдёмте, поспешим добрых молодцев ободрять, силушку их богатырскую укреплять.

Услыхали Добраву девушки. Пришли к её терему, протянули руки белые и взяла каждая по семечку из мешочка заветного да волшебного. Прижали девицы к сердцам горячим семена драгоценные и у каждой вырос в ладошках цветочек трепетный да цвета алого, пламенного.

Засияли, засветились цветочки трепетные цвета алого, пламенного и осветили путь девицам. Три дня и три ночи добирались красавицы до места опасного, где камень Алатырь бел-горюч, величиной своей невиданной норовил раздавить всё живое и прекрасное на земле родной.

Пришли девицы к богатырям славным, что камень Алатырь бел-горюч удерживали. Поклонились в пояс им до сы-

рой земли. И посадили девушки у ног женихов своих любимых по цветку трепетному цвета алого, пламенного.

И выросли из цветков девичьих деревья высокие и могучие. Верхушками острыми в небо тянутся и растут всё выше и выше с каждой минуточкой.

И почувствовал Градимир опору своей спине, что из дерева образовалась. И прислонился к дереву волшебному из цветка трепетного, цвета алого, пламенного выросшего. А с другой стороны, прислонилась к дереву Добравушка. И сказала девица молодцу:

– Не оставлю тебя, Градимир, жених мой возлюбленный. Укреплять буду твою силушку словами добрыми и речами светлыми. Пусть рученьки твои станут неутомимыми и победят Алатырь камень бел-горюч!

– Спасибо тебе, моя невеста ненаглядная, Добравушка любимая, что поддержала меня в минуту трудную и своими речами добрыми да светлыми укрепила мою силушку! Чую, чую, как руки мои крепнут и как камень Алатырь бел-горюч теряет надо мной власть свою непобедимую.

И как молвил это молодец, так поднялись ещё выше деревья волшебные из цветков девиц красных выросшие. И подкинули они своими верхушками камень Алатырь бел-горюч в вышину заоблачную. И сплелись деревья все руками девиц добросердечных посаженные в одно целое дерево. И стали одним Древом великим и могучим.

Устремилось Древо волшебное ветками своими в небо. И обхватили ветки могучие камень Алатырь бел-горюч и стали

держатъ его да удерживать в небесах заоблачных, в высоте неизведанной. А цветы алые да трепетные распустились на Древе этом огоньками манящими.

И увидели добры молодцы и красны девицы, что не угрожает больше камень Алатырь бел-горюч их землице родненькой. И взялись за руки каждый жених со своею невестою и ушли с этого места заповедного с песнями весёлыми и смехом молодым да задорным.

И богато было свадьбами то селение. Много, много сердец искренних и любящих соединили в то время пути свои. И умилялись тому люди разные, стар и млад. Особенно веселились и радовались на свадьбе Градимира и Добравушки. И я там была, мёд-пиво пила, за молодых чарку с вином поднимала и счастья да радости им желала.

Конец

Екатерина Уханова

Былица-головоломка

Здравствуйте, люди добрые, здравствуйте, люди хорошие!

С поклоном к вам идёт одна девица. Зовут её Екрафея. И дело-то у неё важное-преважное.

И сама-то хороша: и лицом мила, и бела, и краса, и коса до пояса.

И мать у девицы мудрая, знающая, заботливая. Воспитала её в любви и тепле.

И отец у неё щедрый, стойкий, сильный. Воспитал её в здравии и мудрости.

Воспитали праведно. И законы Домостороя-то Екрафеюшка знает, и варенье сварить может, и хлеб в печи настряпать тоже, и за скотиной мяукающей следит так следит, и из печки чугунок вовремя достаёт.

...И к вам идёт девица Екрафея с поклоном низким, ибо умнее и мудрее людского опыта жизненного ничего не найти. А совет девице очень нужен.

Свататься к девице идут четыре жениха.

И не знает Екрафеюшка, за кого пойти, ибо есть мудрый совет, есть быстрый совет и есть совет долгосрочный. Какому же тогда из советов волюшку давать, если каждый из советчиков прав.

Люди добрые, дайте ваш совет красной девице Екрафеюшке.

Первый жених Деяншик.

И силен силушкой богатырской, и бравый, храбрый, смелый. Почитают люди вояку великого за достижения перед Отечеством.

Мудр жизненным опытом Деяншик.

А как щедр и как богат – наряды роскошные да жемчуга заморские с изобилием шлёт, на цветы изысканные бла-

гоуханные не скупится, мать да отца девицы потчует, терем барский с шелками да бархатами имеет и готов всё положить к ногам Екрафеюшки.

И силы высшие этого жениха пророчат девице, как очень близкую половинку души. И жить пророчат ладно – складно, душа в душу.

Но сам честный молодец взамен свободу берёт и верность не обещает знатный Деянщик.

Второй жених Велимудр.

Умственным трудом Отечество одаривает. Оставляет сведения о житие-бытие народа русского, о традициях, о порядках и законах всё ведаёт.

Мудёр, рассудителен, люд простой к нему за советом ходит, да с советом дельным выходит.

И пригож наш Велимудр, и премил молодец, на нежность и слова ласковые широк душой. Девичьи ушки так и звенят от удовольствия, а щёчки рдеют от кокетства.

В хозяйстве запаслив, дом его, как полная чаша. Амбары полны зерном, кони накормлены, скотина напоена.

Прекрасно воспитан, знает и инструменты музыкальные, и парирует в беседах любознательных и переписках душевных. А интеллект такой, что у Екрафеюшки аж мурашки по коже. Уж больно ей по нраву эта черта характера.

Силы божественные Велимудра видят подходящим по энергии для девицы, что ценно для семьи славной, мира в

доме.

Да вот есть у него своя изюминка. Прижимист добрый молодец сильно, на кольца из белого золота и серьги с сапфирами не растрачивается, цветами не балует. Разве что в один день явления дары преподносит.

Третьего жениха кличут Энасар.

Загадочный принц заморского государства. Необычный молодец, ибо таких русский люд не видывал.

Маг, настоящий волшебничек, творящий чародейства, на Руси ещё не деланные.

Славен он своей Лабораторией Будущего, ибо производятся в ней чудодейственные снадобья и ароматные эссенции. Рядом с дворцом, что над морской гладью раскинулся, роскошный сад с самыми изысканными растениями для парфюмерных экспериментов: здесь и тубероза, и чампака, и нарциссы, и жасмины, и розы, и фрагония, и давана, и магнолия, и плюмерия, и глициния, и розы, и даже лотосы неземной красоты. И уживаются в саду чудном культуры разных климатических поясов, ибо знания и магия Энасара творят настоящие чудеса.

И предлагает принц девице Екрафеюшке свою Лабораторию в дар – быть в ней Принцессой – аромафеей, творящей всё, что душеньке угодно. А желаний, развивающих себя, отечество русское и мир ароматов, у девицы количество большое-пребольшое.

И высшие силы оценили Энасара, как по характеру подходящего. И решили, что житие-бытие будет складываться с доверием.

Однако есть огорчение душеньке девичьей, ибо уезжать придётся с земли русской, да и будет ли понимание глубинное с заморским принцем?! Думу думает Екрафея... Тут со своими русскими молодцами общий язык найти задачка, а этот – принц заморский, язык заковыристый, и традиции отличаются.

Четвёртый молодец – жених Сантал. Князь восточного царства, духовного государства известного.

Очаровал Екрафеюшку своим духовным призванием – развивать мир и открывать новые знания от Создателей мира человеческого.

Широко открытыми от удивления глазами смотрела девица на молодца и училась чему-то такому непонятному, но близкому, душу развивающему.

Сначала просто слушала слова неизведанные: «йога, медитация, мантра, концентрация, программа, тип питания, сверхспособности...», как сказку загадочную. Потом, получив знания теоретические, специально ей переданные, стала пробовать практиковать действия

веданные и сама подивилась результатам достигнутым и ощущениям новым. И интуиция обострилась, и мозг лучше стал думы думать, и жизнь девичья заиграла новыми смыслами великими и целями красивыми.

И тут подумала Екрафея, что детям своим такие знания и умения передавать Сантал будет всегда осознанностью своей и решения поможет стратегически-правильные принять.

И силы высшие Сантала притянули к Екрафеюшке «по программе». И веря знаниям божественным, она решила, что этот молодец лучше всего в жизни даст развитие души девичьей. Будет и опорой, и помощью на пути душевного развития.

И опять девица думу думает: у Сантала ведь тоже есть изюминка – больно новое знание молодец славный несёт, и страшноватенько девице двигаться в этот путь...

Вот, люди добрые, такие женихи пришли свататься.

И в пол к вам Екрафеюшка кланяется и совет просит дать, как дочери родной, не чужой.

Мы все друг другу рода племя.

Её судьба – в ваших руках.

Конец

Евгения Хамуляк

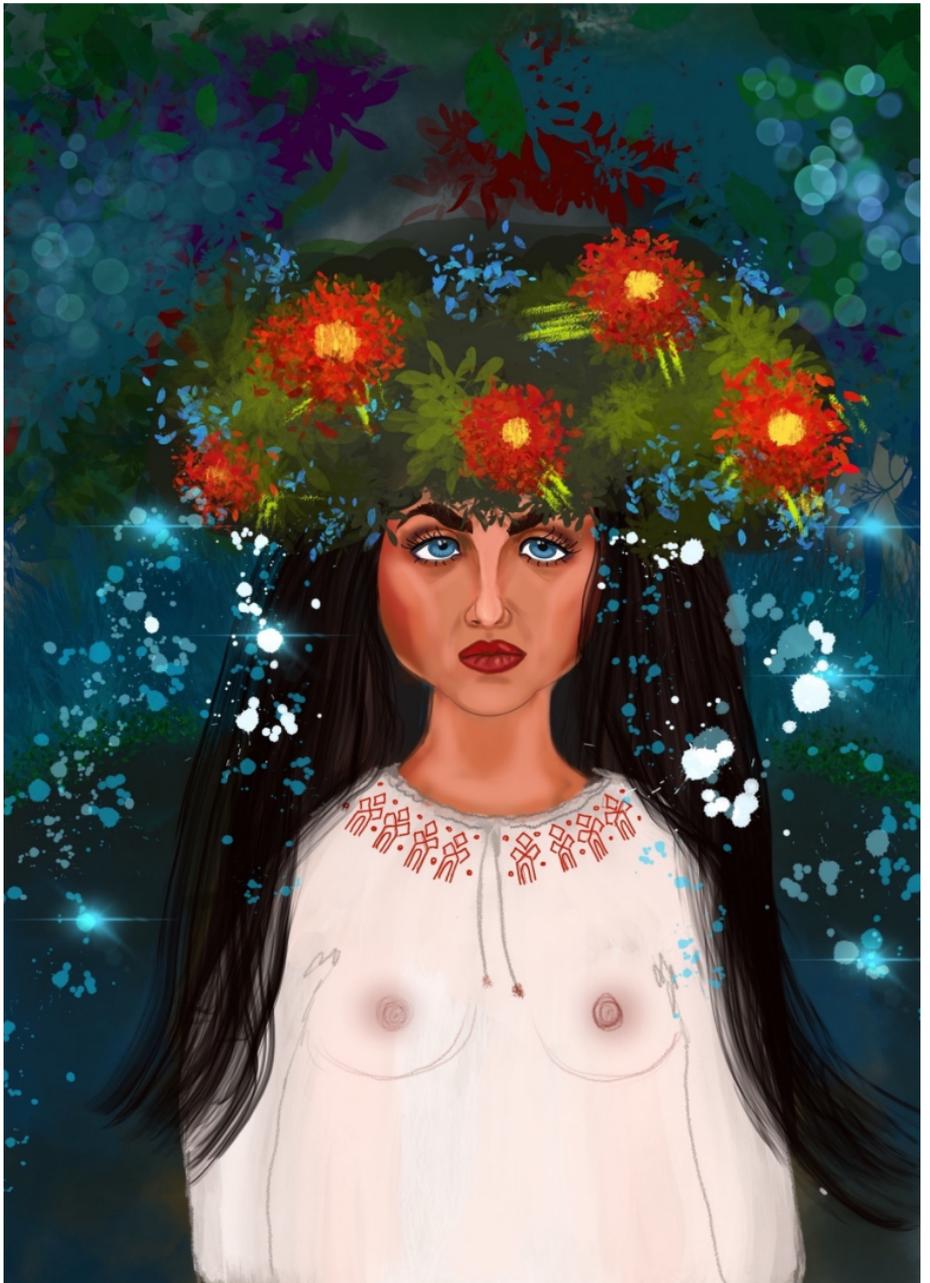
Сказ про Марью

Маревну и пятерых котят

Во времена давние, во времена правные, жила-была на свете одна женщина и звали её Марья Маревна, по бережеству Марамага. Красотою вышла – царица! И такую же гордой и благородной была. Но ещё красивее и благороднее её муж выдался Семён, по бережеству Семояр, кому Самаргл и Ярило благоволили во всех делах.

Любила супруга Марья Маревна аж до слез, до боли головной. И было почему. Красивый, как Лель. Высок, статен, лицом открыт, улыбкой беловит. А какие руки золотые! Хочешь птичку смастерит, хочешь дом отстроит. И в компании весел и отраден. На праздниках любимый гость. Как запоёт голосом своим, петухи завидуют! Голос-голосище! Все Семояра любили, в особенности женский пол. Но и мужчины отмечали характер ладный, образ знатный, осанку с трудолюбьем бравые. Цены Семёну не было ни в быту, ни в ладу. Достался Марье не муж, а клад. И хоть сама была раскрасавица и умелица, а всё же боялась Семёна потерять. Всячески ему угождала, а себя ревностью изморяла. Глазу суе-глазному, на мужа любимого зря глянувшему, могла и косы

повыдирать.

И всё же хорошо жили, ладно. Подходили друг другу, как гусь и цесарочка. Дом прекрасный имели, хозяйство – всё на месте. Живи, люби и радуйся.

Только боги суровые никак семье молодой детишек не посылали. А уж больно Семён отцом стать мечтал. Позовут в гости на именины, все за столом, Семён же во дворе с детишками возится, в горелки играет, кукол пеленает. Поняла Марамага, что надо богов умиловать, что ни попросят взамен мечты исполнить, лишь бы семья разрослась на радость мужнюю.

Посоветовала однажды бабка старая, что Марье Маревне чуркой в четвёртом поколении приходилась и по молодости пришествие самого Перуна своими глазами видала:

– Пойди, Машенька, за три дня до прихода богини Купалы в речку с девушками молодыми на выданье окунись. Сплети венок из календулы с васильками и астрами, расскажи ему послание для матушки-воды и дай по озеру наплаваться. А потом поклонись в пояс и надень венок на головушку. Станут капли в озеро падать. Услышишь решение Купалы по вопросу семьи.

Так и сделала Марья Маревна, чурка-бабка к своим двумста годкам 15 детей нарожала, 36 внуков имела и правнуков не счесть. Её на обряды зарождения жизни всегда звали по-

стоять у чёрной березы, чтоб привлечь силы для тех, кому помощь в деторождении надобилась. Потому ценнее золота совет был, чурами поконами проверенный.

И в самую макушку лета, после Перунова дня, в день седьмой Липня, что в этом году Грозником звался, потому как лето грозовое намечалось, пошла Марья Маревна с девчонками молодыми на купания. Молодухи о замужестве Купалу просили, чтоб муж сильный телом и здоровый умом попался. А Марья, венки плетя, загадала детей. Много. Трёх сыновей и двух дочерей.

Печь большую Семён смастерил в новом доме, как раз для пятерых хватит вразвалку с подушками-сеновалками спать. Да и перед роднёй не стыдно, целых три богатыря и царевны две. Уже представляла Марья, как сыновья удалю в Семейра пойдут, а девочки в неё – красотой и мудростью. Эх, ладна картинка выходила! Заулыбалась женщина, аж глаза от наслажденья прикрыла. Тут уж никогда Семён её не бросит с пятью-то сокровищами.

Надела венки, попросила богиню о семье дать совет, вновь опустила на воду с почитанием, а потом с придыханьем на голову надела. Закапали капли звонко: кап-кап-кап, и звуки все замерли вмиг. Не слышно стало ни стока воды, ни смеха женского, ни шума леса. Только сердце женщины забилося волнительно, зная: боги рядом во внимании ожидали.

– Марамага, послушай! – заговорила вода голосом женским отрадным и дивным, пронеслись в голове картины утренних рос и шумения ветра. – Не ходи на капища! Не ложи требища! Не участвуй в обрядищах! Не дано тебе деток от Семена иметь. Ибо дети даются для любви, а тебе, красавице гордой, лишь бы мужа покрепче припрячь.

Кровь в жилах у Марьи от таких слов остановилась. Взяла венок трясущимися руками и бросила в воду с ожесточением, сурово шепча:

– Как же это так? Что ж нам весь век с Семеном бездетными ходить? Кто ж нас в старости почитать станет? Срам какой!

И опять мокрый венок на голову нацепила для ответа. Солёными слезами закапали цветы.

– Дети – продолжение любви и её урок суровый. Любишь Семена? Люби его бездетного. А коли хочешь детей, приходи через два дня в ночь, когда цветок папоротный зацветает. Пей водицу из родника моего. Прыгай через костер Перунов. Завязывай глаза и беги, куда сердце зовёт. Наложением древним понесёшь деток желанных. Примет их Семен, как родных. Обычай праведный заставляет.

Ещё злее бросила венок в воду Марья, аж календула жёлтым дождиком в стороны брызнула.

– Никогда не хотела иметь я пасынков и Семену любви-

мому не пожелаю пАсербков. Есть ли другой путь нам отцом-матерью стать? – и как есть надела сломанный венок в третий раз на голову гордую, самовольную, от воды намокшую.

– Дети – они, как цветы: свои иль чужие, не имеет значенья, – говорил голос отрадный и в нём правда слышилась верная. – Дети – любовь. Любишь – льешь бовь сердца кувшином бездонным и наполняешься вновь без заминки. Но коли хочешь по-иному? – ожесточился звонкий глас и капли дождём вдруг обрушились на гордую голову. – Вот тебе нароченье. Пройдёшь, станешь матерью, коли нет – и суда нет.

Насторожилась Марья Маревна, что за нароченье от богини-матушки-водицы, не с подвохом ли? Но на всё готова была, лишь бы Семёну угодить, чтоб отцом стал и на другие семьи не заглядывался более.

– Придёшь домой и встретишь мужа счастливого с пятью котятами на руках. Принеси их живыми к моему пришествию. Обменяю их на троих сынишек и двух дочек желанных. Ровно через два дня.

– Пять котят два дня поддержать и тебе живыми принести? – усмехнулась Марья Маревна заданью и сняла венок, подальше его в озеро забросив.

Побежала домой побыстрее и в светёлке Семена счастли-

вого нашла с пятью котятками играющего.

– Глянь, Мариша, какое счастье я дома застиг. И главное, глупенькие ещё, маленькие котятки, кушать сами не умеют. Придётся нам им родителями стать, а то ведь погибнут без любви.

Котятка малые, несмышлёные к рукам Семёна греться бежали, целовали пальцы мужские, ластились об бороду русую, будто знали, что любит их человек без корысти и мшели.

Счастливая Марамага сделалась, глядя, каким муж довольным стал. И даже пожалела чуток, что раньше котёнку не завели. Уж больно не любила Марамага живности в доме: волосы, шерсть, запах несвежий. Полкана – собаку – и того держали во дворе завсегда. Не пускали домой ни птичку, ни мышку, ни кошку.

Настала ночь, отнесли котят в покрывале спать возле печки. А они давай мяучать, мать искать, проситься на руки. Семену ранёхонько на работу вставать, Марья Маревна котят на себя взяла. Только одного приласкает, покормит, колыбельную споёт, на ночь уложит – другой проснётся. Только второго уложит, третий заплачет в тоске. И так всю ночь, не спамши за котятками бегала: то водички, то молока, то погладить. Вконец измоталась, уснула себя не помня, забыв про мальцов.

Проснулась, а солнце уже высоко, глянь на кроватку, а одного котятки как нет. Стала искать, звать серенького. Вдруг

слышит – в красном углу женском, где хлеб – священная еда, котелок чугунный с полки упал. Побежала смотреть. Ой, горе-горемычное, убило несмышлёныша серенького котелком.

Заплакала Марья Маревна слезами горькими: не выполнила нароченья божьего, не уберегла одного котёнка.

Пока искала глупого серенького, второй беленький в погреб упал и тоже разбился. Марья Маревна за голову схватилась, хотела опять зареветь, да вспомнила, что трое ещё остались у печки.

Побежала в светёлку, и впрямь: чёрненького-то нет, слышит только мяуканье тихое. Еле-еле нашла – забрался в трубу и всё-таки сдох от недосмотра. Пока бегала-спасала и мёртвеньких в руках таскала, слышит двое-то кричат-орут, кушать хотят, а молока в доме нет. Да и коровку Нюрку пора доить, она тоже мычит в хлеве: выпускай давай, мол, мочи нет стоять тут с выменем полным.

Ох, что делать?! Не знаешь, куда бежать. Быстро в сенях корзинку нашла, усадила поглубже живых котят, мёртвых ещё тёпленьких рядом уложила и, ни водички не хлебнувши, ни косу не заплетя, побежала Нюрку доить и выпускать в поле пастись корову несчастную. Пока доила, пока работала, повывлезали двое глупышей светло-русеньких из корзинки и по хлеву разбежались в разные стороны.

Марья вконец в отчаянье впала: ах, что за мать из неё, если с пятью котятами справиться не может?! Давай искать окаянных, звать.

– Котятки, деточки мои, куда ж вы от меня всё время прячетесь? Ведь мне вас живыми надо Купале принести. Или не быть счастью моему вовек, – уселась на пенёк и давай плакать. Горько плакала, громко, от сердца, а не помогло. Как не было котят, так и пропали даром. Искала-искала, а всё без толку. Тогда решила: раз случилась беда, пойду хоть мёртвых малышкой схороню, раз живых не осталось.

Пошла к речке, нашла местечко укромное, вырыла ямку, уложила тельца маленькие в платок свой расписной со смородиной и со слезами женскими прощальными в землю котят закопала.

– Серенький, Беленький, Чёрненький, с миром в землю ложитесь. Пусть она пухом вам станется. А меня печаль-кручина ждёт. Недаром боги мудрые не давали мне деточек. Раз я, окаянная, котят уберечь не могу.

И пошла домой несчастная без платка с косами распущенными.

Убралась по хозяйству, накормила курей, огород-садик облагородила, ужин сготовила, села у окна и давай ждать мужа любимого, не зная, как слова подобрать, что угробила котят, что сердце любимого грели.

– Семояр, свет очей моих, бросай меня. Со мною семьи путной у тебя не получится. Найди себе ту, что матерью хорошей твоим детям станет. А я – росомаха, – говорила в печали гордая женщина.

Тяжело вздохнул Семояр от разговоров жёнушки.

– Что ты, милая, разве смог бы я с другой счастливым стать? Тебя люблю. Тебя обавлю. Тебя счастливой видеть хочу. А как назвала ты наших котят ласковых?

– В честь Купалы-матушки, водицы святой, что с рожденья до смерти нас питает. Старшего – Купоявом, среднего – Купорадом, младшего Купославом. А дочурок: Капоновой и Капокострой в честь берегинь Нави и Костромы.

– Хорошие были бы дети. Я их такими запомню, – обнял жену крепко и поняла Маромага, что зря ревностью исходилась, любит её Семояр больше жизни, больше детей любит.

Пошёл Семояр умыться перед ужином, а вернулся, – лицо счастливое, будто чудо произошло.

– Смотри, женушка, смотри, любимая, кого я в баньке обнаружил! – и держит в руках двух котят, что убежали давеча от Марьи.

Схватила их женщина и давай целовать, приласкивать.

– Счастье вы моё, где ж вы были, шалуны игривые! Как вы сбежали от меня, юркие? Чуть сердце из-за вас не разбилось!

Целую ночь от них не отходила Марья Маревна, к себе спать взяла, грела, целовала, как родных. Просили покушать – вставала быстрёхонько, молочком поила, потом опять спать укладывала. Чтоб не сбежали, пока работы домашние, смастерила кроватку особую, из которой не выпрыгнешь и всегда при глазах.

Всё время свободное им отдавала, забыв и про сон дневной, и про женские радости в зеркальце зреться.

А когда настал день Купалы водяной, постучались подружки-молодицы в дверь к Маревне, позвали к берегам речным идти, хороводы водить, богиню о милости просить. Отказалась женщина, с улыбкой провожая:

– Бегите, девчата, бегите, милые. А мне идти – срамиться лишь, когда не смогла я усмотреть за котятами слепыми. Разве можно такой росомaxe детей доверить? И не могу оставить котят одних. Разбегутся, потеряются, – и тихонечко дверь захлопнула. И пошла по делам: мужа ужином кормить, спать укладываться, за котями пушистыми приглядывая.

А на утро встали с Семейром, помолились богам славенным и праведным, глянь, а в корзинке у кровати вместо котят сыночек с дочкой лежат новорожденные. Лежат, глядят, улыбаются.

Расплакались от счастья родители. Давай друг друга целовать и поздравлять, детей нянчить и обнимать.

– Семейр, мой любимый муж, прости меня, женщину гордую, из-за меня боги не милостивили. Хотела я пятерых детей, чтоб тебя посильнее к себе припрячь. А сама за котятами углядеть не могу.

– Что было, то было, – говорил отец на руки дочь и сына беря. – А раз боги миловали двоих, не за горами и тройня пожалует.

Поцеловались крепко и обнялись.

Конец

Сказ про закладного Евпатия «дурну башку»

Глава 1. Любовь Яропера и Ладасвенты

– Ах, какa любовь зародилась!

– Какo счастье!

– Нова жизнь! Нова семья! – радостно кричали гости на свадьбе парня удалого Яропера, в честь Ярило и Перуна названного, и Ладосвентовиты, красавицы озорной, которой покровительствовали Лада и Свентовит.

И не было краше их никого в тот день! Особенно, когда друг на друга любимые глядели. Радугами разукрашивались их лица молодые, теплее вокруг становилось от их поцелуев жарких, враги примирялись на счастье новобрачных гляючи.

И хотя предназначенными являлись друг другу с младенчества, а всё же решились пройти древний обычай на проверку родства душ.

Сперва разложили перед Яроперушкой невестины вещицы, перемешав с вещицами подружек: расчёски для волос, что каждую ночь мамушкиными добрыми руками по самые пятачки волосы вычесывали, в золотые косы заплетая, готовя к праведной женской судьбе.

Поглядел Перовер и выбрал ту самую, с петушками красными да с клювиками золотыми, ибо рисовала Ладасвента премило, любую вещицу оживить могла кистью своей волшебной. Из города приезжали подивиться на работы прелестные. Заказывали посуду и мебель расписывать, ведь вечными вещи делались в те времена, на многие года, на поколения! А с такой красотой никогда не надоест глазу ни стульчик, ни кроватка, не веретено, ни ложки с тарелками.

Узнал жених её почерк. Узнал душу вложенную в каждый завиток!

Далее серьёзнее задача – выйти в хоровод девичий с завязанными глазами и голос родной распознать среди десятка других. Да и тут без промаха Яропер невесту узнал. И пела, и рисовала невестушка любо и лепо!

Наконец, третье испытание. Обмазали хорошенько сваты Яропера дёгтем берёзовым, так что запахи да заодно и звуки пропали разом. Каждая из подружек Яропера стала в губы его целовать. Пойди узнай, кто невеста из них?! Когда по

запаху не разберёшь, с хряком или кобылой целуешься?! Ох, смеху было!

Но не успела Ладасвента приблизиться, как сердце жениха трепетно забилось. Смог Яропер и тут любовь признать, что стояла и смеялась над ним чумазым.

– Она! – просто сказал он, не раскрывая глаз, не целуя уст. – Моя!

Хлопали в ладоши сваты, родня и подружки.

Любовь настоящая, что тут скажешь. Пора свадебку играть!

И отыграли свадебку знатную, долго ещё деревня вспоминала харчи и пироги, квас да пиво, мёд и конфеты. Долго ещё в ушах песни хора звенели, в глазах пляски девичьи юлами кружились, от которых всякому холостяку жениться хотелось. Да только прошло три дня и стали молодожёны ссориться, не мила стала жизнь семейная, будто водой холодной остудили сердца.

И то не так, и это не эдак! Яропер вдруг чёрствым заделался, будто старый хрыч. А Ладасвента сварливой бабёнкой ко всему с претензиями.

Мамки с тятками тревогу забили: просили, уговаривали унять пыл да жар, ведь впереди много лет совместных. Как же жить, коли с самого начала такое противостояние?

Ничего не помогало. Нашла коса на камень – и всё тут! С каждым днём всё хуже.

Побежала Родотана, мать Яропера, в соседнее село к одной мудрой женщине на поклон за советом.

– Крепко сердцем сына и невестку люблю, не в силах смотреть, как гибнет их любовь, зародившись недавно, – с мольбой в словах говорила.

– То есть странно, – отвечала мудрая женщина, в думе облокотясь на руку, после новостей безотрадных. – Три года влюблённость должна елеем глаза новобрачным застилать перед настоящим роднением душ. А тут – на тебе! Три дня! Непорядок!

– Вот те. Горе семьи, – подтверждала каждое слово свекровка, проливая слезу.

– Проверьте, матушка, а не умер ли домовый в доме, где молодожены поселились? На то похоже. А раз умер – плохо это, ибо свято место пусто не бывает. Значит, поселился в вашем доме кенто чужой. И чужой всю любовь присасывает, от того молодые и ссорятся. От того жизни нет.

Как в воду глядела мудрая женщина. Прибежала свекорка домой к невестке, глянула в чуланчик, в укрытое место, где домовому обычно гостиницы оставляют, и с ужасом узрела, что последний гостинец несъеденным лежит.

Ахнула от догадки и вздохнула от разгадки. Не так страшен чёрт, как его малюют: плохо, что домовый умер, хорошо, что узнали вовремя. А предупрежден, значит, вооружён.

Глава 2. Евпатий

Жил да был, поживал и здравствовал Евпатий – шалопай-удалец с села Берегинева, дома вдовы Велолодных Капотаны и Боранава, что канул в Навь ати 20 летов тому назад, когда его сыну чатыре года по башке стукнуло, и с тех пор без отца рос мальчуган озорной.

– Дурна башка! – смеялись над парнем, но любили озорника и бзыря. Свой шалопай – как из песни слов не выкинешь, так и без него село осиротело бы.

Девки за ним бегали, ибо леп был наружностью да слав удалью. Парни дружили, потому как дружок из него выходил верный, за любой сыр-бор всегда охочий. Мужики рукожатствовали, хоть шалун, но не лодырь, не повеса.

– Как был дитем, так дитем и остался! – незлобиво подшучивали. – Кого пчёлы покусали? Евпатия. Кто в берлогу медведю полез? То Евпатий! Кого птицы поклевали? Точно Евпатия!

Одно сородичей успокаивало, что мастевым, то есть удачливым Евпатий рос, по обережеству Леловелом названный, в честь веселого Леля и могучего Велеса, кои его, видать, берегли, шалопая, до поры до времени.

И как 24 годка Леловелу стукнуло, первый кон за плечами остался, давай родня его: дядьки, мать, что вдовой растила сына, заставлять жениться. Не век же бобылём куковать? Матушка внучков мечтала поняньчить, а семья – в стан родовой души принять потомков от Евпатия и разрастаться богам на радость. То был главный долг для всех и каждого.

Даже невеста имелась, – Семагора стоумовая – красавица из хорошей семьи. С детства их судьбы были связаны, осталось жениться токашма и осчастливить друг дружку.

Только Евпатию женитьба хуже смерти представлялась, и чтоб сбежать от нудных уговоров и каббалы супружества, в ту же ночь, в свой день рождения, собрав скудный куль, портки, рубаху да хлеба ломоть, отправился Евпатий на войну. Решил заслужить славу воинскую и показать родне: где б ни летал сокол, везде ему свежий мосол. Не только в семье да в детишках с жёнкой счастье.

И пропал без вести. А на самом деле, отравили его цыгане кочевые, что промыслом чёрным жили. Ночью к ним Евпатий престал на ночлег, поделился планами воинственными, мечом стал хвастаться, собственноручно выделанным из березы чёрной. А как пошёл ко сну после ужина плотного из конины той кочевой, больше уже не проснулся.

Ясен-красен: отобрали меч и пожитки, а шалопая удачливого до сего момента в сыру землю закопали там же.

Мать родная в то утро почувствовала, что сына родного, пусть и непутевого, больше нету в Яви. А значит, будет Евпатий в Нави мучиться духом закладным, никому не нужным, пока обрубок жизненный не закончится. Ведь не отпевали его в куде. Ведь не окликали на кладбище, чтоб дух отозвался на родные призывы и вновь воплотился в семье родной.

– Ай, по шалопайству сынок мой ушёл. Ай, по глупости. Но ведь хороший он парень был и сердцем добрый, храбрый и трудолюбивый. Несправедливость: две смерти в столь ранний срок на одну семью! Видать, бросили наш род боги суровые, забыли пращуры древние. Неприкаянным Евпатыюшка мой где-то захороненный в яме лежит.

– Кто тебе сказал, что и в этот раз не сvezло? Кто сказал, что пращуры оставили? – хитро молвил волхв, пришедший навестить несчастную вдову, что мужа и сына так трагично потеряла. – Собирайся, мать, на поиски. Боги здоровья тебе даровали после стольких потерь, значит, дорогу осилишь. Есть у тебя три дня, чтоб сына с того света вернуть! – молвил мудрец, озаряя Капотану тройным стрибожьим знаком на покровительство. – То справедливо будет! И шуры всегда с тобой!

Глава 3. В яме

А действительно Евпатию свезло, хоть он сам этого не осознал. Лежал-лежал в яме, вроде ждал чего, а потом, когда устал от ожидания, решил вылезать. Сам не заметил, как выпрыгнул из ямы, как на травушку-муравушку ножками вскочил, и понесло Евпатия, куда глаза глядят, будто кто за шиворот держит и по ветру гонит в неизвестные края.

Долго ли, коротко ли, а ветер унялся, будто и не было его в помине, и Евпатий Велолоадный, по бережечеству Лелолель, оказался в селе, где бывал однажды. Жили там его сородичи –Трояно-Купальная ветвь, сильные, богатые люди. Дома – что ни на есть терема боярские или даже княжеские! Громадные, величественные, расписные, с наличниками деревянными нарезными – аж дух захватывает от красоты.

И как раз на свадьбу Яропера и Ладасвенты ветер невидимой рукой его занес, усадил на лавочку, будто прилепив гвоздём к молодожёнам.

Хотел было поприветствовать родню-то – да всё мимо поцелуй и объятия проходили. Хотел откусать яства изысканные – да всё пиво по усам и бороде текло. Пироги даже до горла не дотрагивались, так на пол и падали нетронутыми. Понял Евпатий разгадку, почему его ветром тростинкой го-

няло, понял, почему из могилы выпрыгнул, словно заяц-попрыгаец. Хотел было отойти от стола, хотел было уйти во леса от грусти-печали, что сделался духом приبلудным. Да не смог! Только шаг в сторону сделает, хоп! Назад, как на резиночке к невесте и жениху пристёгивает его кто-то невидимый. И так, и эдак пробовал. Все почём зря.

Пошли невеста и жених после пира в опочивальню, а Евпатия будто кто в спину толкает, ногами пинает, за шиворот везёт туда же.

Целуются-милуются влюблённые, жаркие поцелуи друг другу дарят, а Евпатий только сиди да смотри и о своей бестолковой судьбе думай.

– Пошёл я на войну. А оказался у корыта разбитого, на чужом пиру гостем незванным, в чужой постели духом нежеланным. За что мне такое? – горькими слезами обливал усы и бороду русую.

На следующий день молодожёны в свою избу переехали, что им родня смастерила. Ну ясно дело, Евпатий с ними, как за ошейник. Завели кота, собаку, Евпатий лишь грустно потрепал их за холки, хоть твари божьи его приветили, и на том спасибо. К вечеру совсем в тоску-печаль впал от положения своего безнадёжного, будто между рамами окна застрявшего: ни туда и ни сюда.

Неспамши всю ночь, словно волк на луну гляючи, с утра уселся на подоконник, чтоб весь день безотрадно на улицу

смотреть, как народ живёт и радуется.

От такого духа неприкаянного воцарилось в доме худое веяние, и видел Евпатий, что Ладасвента сама не своя ходит, любое слово Перовера её царапает, любой взгляд больно сверлит. Да и Перовер очерствел к красоте невесты. Только Евпатию всё равно было. О себе голова болела. О своём будущем сердце плакало. Вот дурак-то! Сидел бы сейчас в своем теремке расписном с Семагорой, чай с бузиной и пирогами распивал, ласки невесты принимал. Стоящая девица ему судьбой была уготована. Правду люди говорят, стоумовая.

На третий день чуть привыкнув к судьбе нерадостной, проснулся Евпатий и опять к подоконнику понуро направился. По дороге одним глазом глянь: а за столом, где уже Ладасвента с рассвета кушанье накрыла: сырники со сметаной, блиночки с медом, чаёк из летних трав, яички в глазунье домашние, хлебушек ещё тёпленький... – сидит спина мужицкая, толстая и взбитая, и поедает всё это с аппетитом преогромным.

– Не стой над душой, – пробормотал толстяк и, не переставая жевать, повернулся-таки к Евпатию. – Садись, тут всем хватит.

– Ты кто? – ошалело спросил Евпатий, понимая, что видимым для толстяка является.

– Константин, – вещала толстая спина, всё уплетая блины за обе щеки.

– Откедово есмь? – неверяще пролепетал Евпатий, с на-

деждой и радостью садясь за стол.

– Из Византии мы. Константинопольские. Столичные. Преставился вчерась, – толстяк вытер широким рукавом масляный рот, но рукав не испачкался. – В таверне подавился хумусом, на хлебец намазанным. Преставился и говорю себе: да ну этот город, друг на друге души с духами сидят и переродиться не в кого, у всех по одному дитяте и то разобранному. Вдруг вижу свет зажёгся вдалеке, яркий-яркий, ну как у молодожёнов в первую брачную ночь. Я туда. А тут смотрю, ты с работой домового не справляешься. Думаю, дай дождусь, пока домовый старый издохнет совсем, и его место займу. Всё равно деваться некуда.

Толстяк закончил трапезу и во всю широкую толстую грудь в белой тоге горожанина знатного уставился жирно-блинным взглядом с хитринкой на Евпатия.

– Не справился ты с работой, дружок. Пропадёшь скоро. А я молодоженов разведу, а потом с разведённым супружником отправлюсь в столицу вашу. Подумывает он в охрану к князю пойти – слышал я его мысли грустные после раздора с женой. Поживу столичной жизнью. Авось, встретим новую красавицу. Другая жизнь пойдёт. Столичная. Привычная.

– Не понял я, то есть ты моё место занять хочешь?

– Хочешь-не хочешь? Уже занял! – вещал толстяк Константин. – До вечера исчезнешь как пить дать.

– Куда? – спохватился Евпатий.

– Ты что в школе не учился?

Евпатий лишь пожал плечами и прикусил губу. Учился, мол, да в одно ухо влетало, а в другое вылетало. С гусями бегал, пока его сверстники коло и каноны древлеправославные изучали.

– В Ад засосёт к неприкаянным. Кто себя не знает, пользы никакой не несёт, путь не нашёл, чужими думами жил, только о себе мыслил.

– Я нашёл-нашёл! – вдруг осознал, что происходит, Евпатий и за голову взялся.

Эх, эх, что натворил! Сначала жизнь свою из-за шалопайства растерял, род подвёл, теперь душу, а дальше и дух изойдёт на нет. А уж молодоженов-то как жалко! Только жить начали, и уже развод. Да что за беда-напасть!?

– Жалко-жалко, – хитро повторял Константин. – Да они сами виноваты. Ладасвентовита ваша, – махнул толстою рукою безнадёжно, – что по-нашенски Светланой зовётся, уж больно спесивая, много о себе думает. Но готовит и рисует хорошо, – облизал губы Константин. – Ты поешь-поешь, а то в тебе духу совсем не осталось. Хозяйка в кушанье всю душу вложила, вот мы, домовые, её можем отъесть и подпитаться.

Вложил толстяк пирожок в руку Евпатия, и тот с удивлением откусил кушанье, хотя настоящий пирог как лежал на столе, так и продолжал лежать нетронутым.

Пока ел Евпатий, о матери вспомнил: наверное, волнуется, переживает матушка, чувствует, что с шалопаем её беда приключилась. Ох, не жалел, не жалел её, только о себе, дурак, думал, как бы повеселее и легче жизнь прожить. Вот! Ешь теперь ложками! Лёгкий стал дальше некуда.

– Да, и Светлану жалко, матью никогда не станет, кто её теперь замуж позовёт после трехдневного замужества? И твою мать жалко – родила дурака, бегай за ним теперь до конца дней, – заунывно в тон мыслей Евпатия продолжал петь Константин, подбоченя лицо толстое, глядя, как мятежная душа мятежничает.

Неожиданно вскочил Евпатий и вскричал, кулаком помахая, то ли на византийца толстого, то ли на себя дурака.

– Не быть сему!

Стал по дому бегать, как угорелый, вещи разбросанные собирать, пыль с платяниц стирать, цветы поливать, паутину скрести. Печь вымыл – заблестела, будто сегодня положили. В сенях прибрался, коромысла починил, кота покормил, с собакой поиграл. Сам не заметил, как в огород побежал копать-полоть. Воды в баньку натаскал от рвеня и затопил заодно. Подумал, придут вечером с посевных хозяева – глянь, банька горячая, веники березовые омоченные благоухают – как хорошо! Побежал опять в дом, печь топить, умоются после баньки, оголодают – а тут нате, откушайте тёпленького.

По дороге успел яблок нарвать и букетик из цветов сирени смастерить для ладного запаха.

Только за ним толстяк всё ходил и канючил.

– Да не поможет. Да куда там. Вспомнил?! Остепенился?! Да им теперь одна дорога. Только упреешь и последние силы истратишь на беспутное.

А Евпатий его не слушал. Знай, бегал, дела вершил, пока не поздно. Пусть и один денек, да по-православному пожить, правильно для людей и славно для себя немножко.

– Я им лучше. Всё же не чужой человек. А тебя ветром надуло. Почувствуют они разницу: чужак и свой? – второпях отбазаривался Евпатий от Константина.

– Свой! Что ж ты, свой, чуть любовь не загубил молодую? Мог бы нашептать, убаюкать, наставить, наладить... А ты, лежебока, только горюнился, как девка слёзы лил, я видел! – помахал толстым пальцем византиец. – Вот и умерла любовь.

– Если любовь сильная была, то не умерла, – знай своё отбрехивается Евпатий, весь в поту чертополох перед окном выдергивая, чтоб глаза Ладасвенты лишь розы пахучие-цветучие лицезрели, пока завтракает она или ужинает.

Убрал последние паутинки с углов светёлки, от чего приятно вдруг в доме сделалось, и в этот момент муж с женой зашли. Хмурые, усталые. Константин с Евпатием воззрились на хозяев с чаянием, что сейчас будет? Ну?

– Ой, посмотри, Яропер: печка тёплая и чугунок каши в нём?! – воскликнула Ладасвента, после работы проголодавшись и обрадовавшись, что не нужно хлопотать.

– А сюда, жена, посмотри, платок твой на стульчике. А ведь с утра искала – не нашла, всю злость на меня извела.

Покраснела Ладасвента от стыда и впрям подумала: что за шлея под хвост попала ей?! А потом этим взглядом поглядела на дом родной, любимый, большой, красивый, родней подаренный, где свой век прожить придётся, где дети родятся, где может быть, внуков, правнуков, праправнуков нянчить станется, и сказала с лёгкой печалью:

– Муженёк, а ведь что ни говори, какая у нас светёлка милая да жизнь хорошая. Повезло: живи, люби и радуйся! – и прильнула к Яроперу, прощенья прося и обещая ласковой и любящей впредь быть.

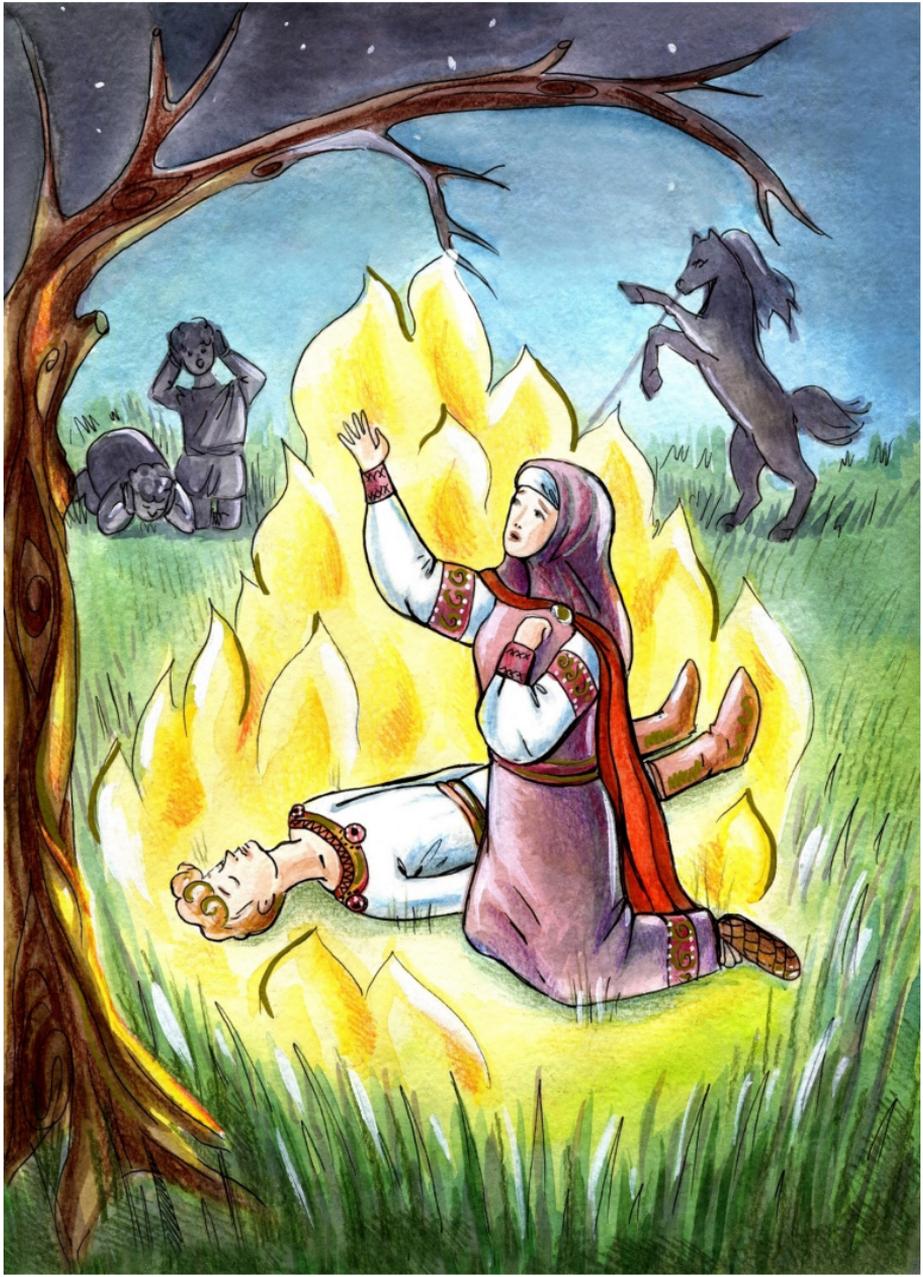
Яроперу не по себе от её слов сделалось – тож мужик нашёлся?! Бабы капризы к сердцу близко принимать да ещё и о разезде думать. Трус и дурак!

Почесал за ухом от стыда и крепко обнял любимую. Решили баньку перед ужином затопить, чтоб омыться от пота праведного. Глянули, а она жаркая ждёт их не дождётся и воды полный край, веники паром дышат берёзовым. А в предбаннике яблоки наливные в сиреневом дыму расслабленье несут... Голова пустая от запахов стала, и вспомнили молодожены о влюблённости своей, что словно сирень аж до боли ароматом любви кружит.

Глава 4. Капотана и цыгане

Нет никого страшнее и опаснее, чем разъярённая мать, что дитя своё потеряла. Будто медведица свирепая станет она искать, а затем крушить врага даже, если смертушка её верная ждёт.

Потому не думая, не гадая, собрав котомку из хлеба да яблока, отправилась Капотана по следам сына пропавшего. Шла да шла и к ночи глубокой наткнулась на большое расселение цыганское. Смотрела-смотрела на огни его и костры и вот что подумала: «Сын мой на войну сбежал от женитьбы. На войну дорога лишь одна. На дороге табор стоит. Всяк знает: не жди добра от людей без роду, без племени. Шалопай мой храбрый без страху и упрёку был. Сердце чует – здесь на ночлег он остановился. Здесь и остался навсегда.

И смело шагнула в логово цыганское, пошла до костров, у которых старые цыганки сидели и карты раскладывали.

– Разложи мне карты, старуха, – попросила Капотана и хмуро в сторону поглядела, завидев цыганёнка, что мечом деревянным Евпатия игрался. Не укрылся взгляд суровый чужестранки и от старухи-гадалки.

– А есть у тебя золотая монета? – спрашивала карга.

Достала Капотана монету и бросила на ковёр. Стала карга раскладывать карты свои старые, мир повидавшие.

– А вот здесь у меня ещё золото, – вдруг сказала женщина и достала ещё с десяток монет и побряцала ими, будто перед голодным волком. – Их тебе в котёл цыганский брошу, если покажете, где сына моего убили и захоронили.

Сверкнула глазом карга на такие слова, а позади Капотаны тени сгущаться стали.

– Золото не возьмёте, убить меня задумаете? Род мой здесь завтра же окажется. И будет вас преследовать, пока последнюю собаку не распотрошит, мои косточки искаюче, – сурово молвила разъярённая мать. Да и я, со своей стороны, в окаянные души метнусь, но вас теснить стану, пока до Адова круга не доведу. До судилища Божьего! – и сварожьими знаками окрестясь, трижды стрибожьим символом омовясь, произнесла слова боли страшные, и из глаз материнских не слезы полились, а искры огненные посыпались, траву сухую и платок цыганский опалая.

Отхлынули убийцы, испугавшись гнева праведного и даже золота устрасась, повели Капотану, что огнем праведным объята сделалась, к месту убийства.

Глава 4. Засасывает в жизнь

– Ой, ой! – заойкал Евпатий и сделался престранным, будто засасывает его в воронку бурлящую.

– Радуйся, рус, это молодожёны тебя в свой род зовут. Безучий ты, как погляжу, чуть им любовь не угробил, а они тебе сладкую жизнь в ответ, – и стал Константин прощаться.

– Постой, постой, брат! Что ты такое говоришь?

– Ты про коло перерождения слышал? – в возмущении взмахнул руками византиец толстый. – В какую вежу умер, знаешь?

– Нет!

– Вот ведь невежда! – махнул рукой на дурака толстяк. – Вежа твоя родовая, как черепица на крыше, подошла семье этой счастливой. Будешь ты теперь ихний сын. Вот и вся сказка! Радуйся.

– Ой, не хочу! Не хочу! – крутился, как юла на месте, Евпатий, стараясь от воронки увернуться.

– А другого пути нет, – удивился капризному домовому толстяк. – Вот если б кликуши тебя покликали, и дух твой

к телу вернулся, чудесным образом воскресаясь. А так – единственный путь – перерождаться!

Вдруг Евпатий замер на месте, как вкопанный.

– Слышу! Слышу! – зашептал белыми губами. – Матушка меня зовёт. Там, – и рукой указал направление, откуда ветер принёс.

Константин тоже услышал.

– Брат, Константин! Мы ж братья с вами, византийцами. Велесом прошу, помоги мне. Займи моё место! Будь хорошим сыном этим людям. Вырастешь на харчах Ладасвенты, окрепнешь на руках Яропера, успеешь и мир повидать, только уж сам, своими ногами! – молил Евпатий, слыша всё громче и громче оклик имени своего голосом материнским.

– А ты же как? – спрашивал Константин.

– Мне туда надо! Много я сделать не успел. Есть ещё ради чего пожить в своём селе, – слезу с глаз смахнул несчастный шалопай. – Я тоже, как Яропер, свою Ладасвенту счастливой сделать хочу. Дом построить хочу. Детей на радость семье нарожать, внуков посмотреть. Полезным своему роду быть. Долго жить, чтоб успеть и мир повидать. В Византию твою махну. В гости к тебе приду, когда вырастешь.

Обнялись крепко, и Константин с радостью на лице и с

надеждами в сердце на новую жизнь в водоворот любовный вместо Евпатия вошёл, обещая лучшим и хорошим сыном стать на древе родства.

А русака вдруг опять ветер подхватил и понёс туда, откуда принёс.

Глава 5. Материнское сердце творит чудеса

– Вставай, Леловел! Вставай, сынок! – говорила мать, и огонь её сердца стал языками пламени из груди на улицу вырываться. Очи запылали. Руки углями огнедышащими засверкали. Цыгане те и вовсе ниц попадали от такой силищи, мечтая поскорее отседова сбежать, пока живы.

И хотел было Евпатий быстрее нестись туда, откуда голос шёл, да вдруг ему дорогу двое перегородили. И не люди то были, а чатры. По чатеры головы в четырех мирах Яви, Нави, Прави и Слави про добрые и греховные поступки судьбу всезнающие: у каждого по паре глаз всезрячих и у всех четырёх – рога серебряные докрасна раскалённые.

– Нарушены тобою, Евпатий Лелолель, по обережечеству Капотанов, по отчеству Боронавов, главные законы мироздания, – говорила одна башка с рогами. Потом вдруг как крутанулась, и другая на её месте заговорила тем же голосом страшным:

– Владыка мира сего их сотворил для всеобщего благо-

денствия, а не для шалопаев бестолковых.

– Закон любви. Не любил, ибо если б любил, о других больше б думал, чем о себе, окаянном, – третья молвила.

– Закон меры. Не было МЕРы при жизни, вот и сМЕРть наступила ранняя. Нежданная, – сурово отрезала четвёртая, а Евпатий голову повесил: что правда, то правда. Дурак дураком жил, не в меру отчаянно. И о других не думал, что его смерть может вред и боль принести. Родился, а после себя не то, что потомства, ветки сломанной не оставил.

– Будешь себя в необходимом, но достаточном держать? – спрашивала строго шестая, глазами сверкая, от взгляда которого волосы дыбом становились у живых и у мёртвых.

– Буду, – отвечал твёрдо и серьёзно Евпатий.

– Не верим! – грозно крикнули головы хором.

– Я за него слово даю, – сказал человек позади Евпатия. – Умер рано я, не сотворив до конца долг отцовский, вот и вырос Лелолель без пути мужицкого. Ему свои лета дарю, чтоб оправдался.

Обернулся Лелолель и обомлел. Отец родной, давно умерший перед ним стоял. Такой молодой, сильный, славный, добрый, суровый, как его мальчуганом запомнил вовек. На кого хотел похожим стать во младенчестве. Да забыл мечты по шалопаиству.

– Батька! – бросился к нему в объятия. А отец родной, будто марево, в тело сыновье вошёл и растворился, осеняя Духом Святым, от чего засветлел молодой человек, будто

солнышко его изнутри подсвечивать принялось.

– Родовому духу почёт и слава! – поклонилися головы отцу Боронаву. – Воля ваша!

В этот момент вся огнём объятая, сама стореть рискуя от пламени сердечного, Капотана руками огненными землю стала поднимать, горсть за горстью, перст за перстом, пылинка за пылинкой, пока в месте убиенном не увидела сына своего единственного и пролила слезу материнскую, целительную, которая, словно живая вода, окропила тело сыновье и оживила его. Встал Евпатий и припал к ногам материнским со слезами в глазах.

– Благо, сына, боги с нами, – говорила мать, обнимая чадо своё непутёвое.

– Два раза ты мне жизнь подарила, матушка, – отвечал благодарный сын. – Во век не расплачусь с тобой за подарки такие.

– Платы не берёт мать за любовь. Однако ж счастливой меня и родовой наш дух сделать в силах ты, продлив наши часы в жизнях внуков и правнуков, а также в делах своих праведных и славных.

– Сам хочу! Жизнь потерявши только, понял я, что значит счастливым ходить: везде родные, близкие, друзья, дела, мечты да планы. Жить хочется – мочи нет! Столько всего впереди!

И вспомнил Леловель светлые лица своих друзей, коих более не чаял увидеть, а также встречу с отцом родным, вступившимся за него перед охранниками мира Навного, Константина византийского горожанина, супружников Яропера с Ладосвентой, чью любовь чуть не угробил по незнанию... И так ему хорошо в этот момент сделалось, что даже цыгане негодные, что кучкой поодаль стояли, трясясь, ожидая отмщения, и те Евпатию перстами судьбы показали:

– Ну что, неладные, будем над вами суд вершить праведный? Али клянётесь бросать дрянные дела? – и на них пошёл с объятиями раскрытыми, благодарными.

Ох и крику, и визгу было! Кони от страха с привязи рвались и в разные места разбегались.

– Меч верните, поганые! – кричал Леловель, смеясь.

Конец

Над книгой работали

Мария Чугрова

Автор

Исцеляю себя и вдохновляю других с помощью моих сказок для детей и взрослых. В книге вы найдете мою былицу, в которой красивыми метафорами и романтической атмосферой славянского фэнтези я рассказала свою историю любви. Буду рада, если и вас она вдохновит!

@mariachugrova

Екатерина Уханова

Автор

Меня зовут Екатерина Уханова, и я обожаю писать про чувства, ароматы и реалии жизни. Являясь дизайнером натуральных ароматов, вот уже 10 лет реализую свою писательскую потребность в аромаблоге @aromafeyaeu.

Тема славянского челленджа мне очень близка. Я

до мозга костей влюблена в Россию, ценю традиции, родовые узы и историю земли русской.

Любовь, семья и верность для меня – "из одной сказки" , поэтому я написала былицу – головоломку. В ней есть любовь и выбор, а вот что же победит, решать вам. @katyapishet

Елена Чертилина

Автор

Любовь – одно из самых благодатных чувств в мире. Пусть её будет вдоволь вокруг. И пусть рассказы из этого сборника напомнят читателю, как нужно и важно сохранять любовь в своём сердце.

elena.chertilina.78@mail.ru

Ольга Бурганова

Автор

Пишу стихи и изучаю астрологию. Верю в добро и любовь, а ещё в существование невидимого пути каждого человека, который мы называем судьбой, а в астрологии – натальной картой. Моё вдохновение – семья, дети и природа. Всё это в моих историях. @city_writer_

Татьяна Юхнавец

Автор

Живу в Швейцарии с 2002 года.

Выпускница школы искусства, литературной мастерской школы творческих профессий и школы терапевтических сказок.

Самые безумные мысли превращаю в буквы.

Считаю, что самое главное в жизни – достигать своих целей и не бояться мечтать. @__ta.yu__

Евгения Хамуляк

Автор и художник

Не понаслышке знаю, что такое родовая память, именно к ней обращаюсь всегда, когда возникают сложности на пути. Там хранится неисчерпаемый источник энергии, или как говорили наши чуры, –

силушка богатырская. Очень хотелось передать эту силу через свои былицы. Никогда не разлучайтесь с корнями, помните, трепетно храните в памяти лица дорогих родственников и их истории, передайте этот опыт детям. На том стояла Русь – на том и мы выстоим, на силе рода. Ибо всё наш род пережил. Но смогли и перемогли. И счастливо в будущее смотрим зная историю, где правда всегда за родом.

Ася Батурина

Автор и художник

Свою былицу написала под влиянием ключницы Пелагеи, которая и рассказала писателю Аксакову прекрасную сказку "Аленький цветочек". Была

счастлива снова прикоснуться к детству и в очередной раз убедиться, что мои славянские корни крепки и действенны. Потому что эта история из моего сердца и головы вылилась быстрым ручейком, словно всегда жила там. Да так оно наверное и было! Больше моих рассказов можно почитать в аккаунте Инстаграма @aiselinnalunnaia

Катерина Яковлева

Автор и художник

Писатель и иллюстратор славянских фэнтези и сказок.

Автор эпического славянского фэнтези "Лихолов".
@paintmywind

Токарева Елена

Художник

Живу в г. Челябинске. Образование высшее техническое, но все-таки рисование, которое начиналось как хобби, взяло верх. Я рисую картины маслом, акрилом, и недавно решила попробовать

свои силы в иллюстрации. И пошло! У меня более пяти проиллюстрированных книг. В настоящее время я работаю дизайнером-верстальщиком в газете и в свободное время творю. aima69.69@mail.ru

Ольга Кондратюк

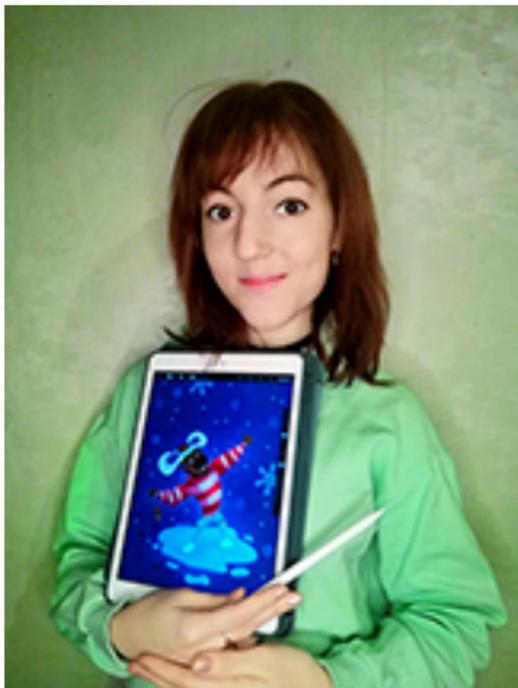

Художник

Приветствую всех! Меня зовут Ольга. Я художник-иллюстратор. Рисую разное всю жизнь, не представляю себя без карандаша или кисти. На путь иллюстратора книг встала недавно. Но всегда восхищалась волшебниками, создающими образ героя, в тайне мечтая стать одним из них. А однажды решила, что мечты должны становиться ближе. И нет у

вселенной других рук для их исполнения, кроме наших! @luluka_art

Кристина Самофалова

Художник

Меня зовут Кристина. Я иллюстратор и начинающий автор. Ещё с детства я лелеяла мечту о написании

собственной книги с красочными иллюстрациями. И вот наконец маленькими шагами давнее желание начало осуществляться.

Герои рассказов оживают под моим стилусом, помогая читателю увидеть сюжет не только в буквах, но и в красочных образах. Это словно волшебство и я рада быть его частью. @kris.samofalova

Ирина Шуст

Художник

Здравствуйте, уважаемые читатели! Меня зовут Ирина Шуст. Я художник с детства и этим все сказано. Всю жизнь сколько себя помню я рисовала и применяла все свои художественные навыки в разных сферах своей

жизни, но художником-иллюстратором стала совсем недавно, хотя шла к это мечте давно!

Иллюстрация – волшебный маяк, который всегда освещал и направлял меня, озаряя волшебными картинками извилистую, но такую интересную жизнь художника. @irina_shyst_illustration

ОБРАЩЕНИЕ К ИЗДАТЕЛЯМ

Уважаемые издатели!

Мы, участники марафона, писатели и иллюстраторы, открыты к сотрудничеству и хотим отметить, что опробовали себя в разных жанрах и стилях литературы. Изданные нами книги «Седьмое небо», «Мятные баранки», «Бабушколюбие», «Любовные незабудки», «Пистолет. Тюльпаны. Грудь», «Возьми меня на ручки», «СЧАСТЫрнадцатым», «Любовь в былинном стиле» продаются на самых крупных книжных площадках страны Литрес, Bookmate, Амазон, Озон, Лабиринт, Читай-город, Буквоед и другие. То есть мы – не писатели-однодневки, а талантливые, амбициозные, подающие большие надежды авторы, за которыми будущее художественной литературы.

Надеемся, что прочитав наши сборники, вы оцените талант, юмор, глубину сюжета, которыми мы постарались порадовать наших читателей в эти непростые времена.

Будем рады конструктивным предложениям и сотрудничеству.